

ПЕРШИЙ КОНКУРС
МІЖНАРОДНА
СЛОВ'ЯНСЬКА
ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ
2013

збірка поезій

ПЕРВЫЙ КОНКУРС
МЕЖДУНАРОДНАЯ
СЛАВЯНСКАЯ
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ
2013

поэтический сборник

Харьков «Майдан» 2014

ББК 84(4Укр)
П 26

Редакційна рада:
В.С. Бойко, В.І. Картавих, С.К. Шелковий

Редакционный совет:
В.С. Бойко, В.И. Картавих, С.К. Шелковий

П 26 **Перший** конкурс «Міжнародна Слов'янська Поетична Премія» 2013: збірка поезій / Упорядн. С.К. Шелковий. — Х.: Майдан, 2014. — 148 с.

Первый конкурс «Международная Славянская Поэтическая Премия» 2013: поэтический сборник / Сост. С.К. Шелковий. — Х.: Майдан, 2014. — 148 с.
ISBN 978-966-372-509-3.

В итоговом сборнике опубликованы произведения лауреатов, дипломантов и некоторых участников первого творческого конкурса «Международная Славянская Поэтическая Премия» для молодых поэтов, пишущих на разных славянских языках. В разделе «Приветствие через поколение» публикуются также стихотворения и переводы членов международного жюри Конкурса.

ББК 84(4Укр)

ISBN 978-966-372-509-3

© Шелковий С.К., составление, вступительная статья, 2014
© Авторы произведений, стихотворения, переводы, 2014

УКРАИНА, РОССИЯ, БОЛГАРИЯ, ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ

3 декабря 2013 года в уютном каминном зале писательского клуба Харьковской Организации НСП Украины прошло торжественное награждение победителей и лауреатов первого конкурса «Международной Славянской поэтической премии», учреждённой в минувшем 2013-ом году Харьковскими отделением Национального Союза Писателей Украины и Фонда Культуры Украины, Государственной Научной библиотекой им. В.Г. Короленко и объединением предприятий «Корпорация Гидроэлекс» для поддержки и поощрения литературного творчества молодых поэтов в возрасте до 30 лет.

Слава Богу, в этот декабрьский вечер, не щедрый на снега, как и все последние здешние зимы, с хмурых харьковских небес посыпался почти невесомый снежок. Так что живописным фоном для праздничных красных гвоздик литературного торжества всё же послужила не безнадёжная тьма за окном, а некое диалектическое сочетание быстро тающего белоснежья и уверенной в себе черноты городского гудрона. В качестве же звукового фона вполне уместно, и ничуть не навязчиво, потрескивали аккуратные чурки дубовых дров в камине выдавшего многие виды писательского зала на Чернышевской улице.

Международное жюри Премии принимало для рассмотрения конкурсные поэтические подборки из семи стихотворений от авторов поэтических книг или объёмных публикаций в журналах, альманахах, сборниках. Особенность этой вновь учреждённой премии, отличие её от множества иных ныне существующих литературных наград состояло в том, что рассматривались подборки стихотворений от авторов, пишущих на любом из тринадцати государственных славянских языков: белорусском, болгарском, боснийском, македонском, польском, русском, сербском, словацком, сло-

венском, украинском, хорватском, черногорском, чешском. Уже одно только это обстоятельство речевого многозвучия и полихромности произведений участников требовало от членов жюри конкурса и нестандартного набора лингвистических знаний, и особого языкового чутья, и уважительного, заинтересованного отношения к творчеству представителей разных языковых ветвей многовекового и раскидистого древа славянской культуры.

В жюри «Международной Славянской поэтической премии» вошли: Виктор Бойко (Украина) — поэт, лауреат литературных премий, Красимир Георгиев (Болгария) — поэт, прозаик, переводчик, лауреат литературных премий, Олег Комков (Российская Федерация) — поэт, переводчик, критик, доцент МГУ, Игорь Лосиевский (Украина) — поэт, критик, лауреат литературных премий, доктор филологии, Константин Савельев (Украина) — поэт, заслуженный работник промышленности Украины, Сергей Шелковий (Украина) — поэт, прозаик, переводчик, критик, лауреат литературных премий, председатель жюри, Владимир Ягличич (Сербия) — поэт, прозаик, переводчик, критик, лауреат литературных премий. Все члены жюри — специалисты в области нескольких славянских языков, авторы многих книг оригинальной поэзии и сборников поэтических переводов.

В конкурсе приняли участие около тридцати молодых поэтов из четырёх стран — Украины, России, Болгарии, Чехии. И творческий девиз конкурса, объявленный в Положении о «Международной Славянской поэтической премии», — гуманизм, духовность, гармония; интеллектуальный и эстетический поиск в поэзии; взаимодействие и взаимное обогащение культурных пространств разных стран, — по-своему, индивидуально и неповторимо, нашёл своё отражение в поэзии каждого из участников, в звучании каждого из языков.

Победителями Первого конкурса «Международной Славянской поэтической премии» 2013-го года были признаны молодые талантливые поэты из трёх стран — Любовь Якимчук из Украины, Максим Бессонов из Российской Федерации и Лора Динкова из Болгарии. Им торжественно были вручены дипломы лауреатов и денежные премии в снежный декабрьский вечер в клубе Харьковской

Организации Союза писателей Украины, в присутствии заполнивших зал представителей творческой интеллигенции города. При этом денежный размер «Международной Славянской поэтической премии» составил: за первое место — эквивалент суммы \$500 по курсу Госбанка Украины, за второе место — эквивалент \$300, за третье место — эквивалент \$200.

Конечно, при определении лауреатов Конкурса у семи членов жюри возникали разные мнения и оценки, что было естественно и неизбежно. Но в обретении взвешенного общего мнения, в достижении консенсуса заключалась априори и творческая задача, и немалая работа международного профессионального жюри. Работа эта продолжалась по сути в течение многих месяцев, начиная с мая, когда стартовал приём рукописей, и вот в этот декабрьский вечер завершилась наконец на вполне мажорной ноте.

Вот, к примеру, выдержка из заключения Олега Комкова, представлявшего в жюри Российскую Федерацию, поэта, переводчика, опытного педагога и исследователя в области филологии: «К сожалению, украинским и болгарским я не занимался и не работал с ними, поэтому звучание стихов, написанных на этих языках, от меня всё-таки ускользает. Однако поэтическое мастерство и проникновенность авторов видны и в письменном слове. В стихах Любви Якимчук многое показалось мне в чём-то родственным поэтике Веры Хорват, которую я сейчас перевожу с сербского. Тексты Лоры Динковой в очередной раз подтверждают глубинное родство поэзии и философской мысли — подлинной, не «научно-системной», затерминологизированной, а живой, простой и глубокой в этой своей простоте. Максим Бессонов пишет на родном для меня языке, поэтому здесь я слышу и музыку, и мысль достаточно полно. Не все строки его мне близки, но то, что поэт знает «особое состояние слов» (О. Седакова) — очевидно и слышно, равно как и искренность лирического высказывания».

В итоге решение о трёх призёрах Конкурса было принято членами жюри единогласно. И в дополнение дипломантами «Международной Славянской поэтической премии» стали молодые интересные поэты — Ольга Воробьева, Ия Кива, Сергей Куликов, Василь Карпюк, Мирослав Лаук, Анна Минакова, получившие свидетель-

ства дипломантов Конкурса и свои порции аплодисментов от собравшейся в праздничном зале публики. Время для лаконичного выступления и чтения своих стихотворений, вместе с гвоздиками, особенно ярко алеющими в этот чёрно-белый декабрьский вечер, получили, как лауреаты, так и дипломанты Конкурса. Церемония награждения лауреатов и дипломантов записывалась представителями радио, телевидения, информационных областных сайтов, и записи о праздничном вечере, интервью с победителями конкурса, их фото оперативно появились в эфире.

Наверное, есть определённая закономерность в том, что этот новый, и обладающий существенными признаками новизны, творческий конкурс стал проводиться именно в Харькове. Много говорит о том, что это город — и помнящий, и способный умножать свои богатые научные, культурные, литературные традиции, город, открытый для активного международного сотрудничества. Не просто полуторамиллионный мегаполис, пятый по населению город Восточной Европы, — после Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Варшавы, — но и средоточие большого человеческого, интеллектуального и творческого потенциала. По числу ВУЗов, в частности, Харьков долгие годы оставался третьим городом в Союзе, сразу же вслед за Златоглавой и Питером. Харьков — город нобелевских лауреатов биолога И. Мечникова, физика Л. Ландау, экономиста С. Кузнеця и множества других выдающихся деятелей науки и культуры, его исследовательским институтам и университетам принадлежит немалое число мировых научных приоритетов.

Так, в частности, если говорить о гуманитарной сфере деятельности, то широко известными строителями духовности славянского мира, работавшими в Харьков на протяжении последних трёх веков, были поэт и философ Григорий Сковорода и выдающиеся филологи Александр Потебня и Юрий Шевелёв. Их исследовательские и мировоззренческие идеи, органически вошедшие в общеславянскую культуру, являют собою и сегодня некий святынящийся, питающий последующие поколения, путеводный пунктир, протянувшийся через три столетия и через множество пространственных границ.

Конечно же, Харьков, был и остаётся одним из важнейших духовных центров, связанным с формированием и развитием украинской и русской литературы и в Украине, и в более широком контексте. Достаточно назвать ряд славных имён украинских писателей и поэтов, создававших свои произведения в Харькове: П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьяненко, М. Кропивницкий, П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосюра, М. Семенко, Е. Плужник, О. Вишня, М. Кулиш, В. Свидзинский, Г. Эпик, В. Полищук, О. Досвитний, В. Пидмогильный, М. Йогансен, Л. Курбас, А. Довженко, В. Эллан-Блакитный, М. Хвелевой, Г. Тютюнник, О. Гончар, В. Мысык, В. Боровой, И. Муратов, Р. Третьяков.

Накрепко связаны с Харьковом своими творческими биографиями и известные русские поэты и прозаики: Г. Данилевский, Н. Костомаров, Н. Гнедич, И. Бунин, М. Арицыбашев, А. Аверченко, Б. Савинков, Г. Шенгели, В. Хлебников, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Нарбут, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Асеев, А. Ахматова, М. Цветаева, Д. Бурлюк, И. Северянин, В. Катаев, Ю. Олеша, Г. Петников, К. Тренёв, Н. Островский, А. Макаренко, Е. Ланн, Г. Владимов, М. Кульчицкий, А. Введенский, Д. Кленовский, Б. Слуцкий, Н. Воронель, В. Дудинцев, Э. Лимонов, Л. Копелев, В. Мотрич, Ю. Влодов, Ю. Даниэль, Б. Чичибабин, В. Козовой, В. Бурич, Ю. Милославский, Е. Евтушенко, Л. Яковлев.

Работая летом и осенью минувшего 2013-го над двумя статьями о Георгии Шенгели, открывая всё новые для себя материалы о харьковской литературной жизни начала XX века, я ещё раз убедился в том, что книга под названием «Харьков и Серебряный век русской поэзии» непременно должна быть когда-то написана. Собственно, — пока ещё без букв, слов и предложений, — эта книга властно и выразительно существует в пространстве бытия и истории — полная живых красок и звуков, символических и незабываемых событий. Дело за малым — перо и бумага. Де ещё — любовь, понимание, небеспамятство и благодарность будущего автора.

В своих строчках, возникших параллельно с написанием очерков о Г. Шенгели, в опусе «Стихи в Харькове», я называю, к примеру, троих частых гостей, и даже более, чем гостей, — скорее, обитателей, харьковских пространств начала прошлого века:

*Отчалил вдаль тридцатый день осенний,
тот день, где, синеглаз и сизокрыл,
читал стихи и бражничал Есенин,
где Хлебников пророчества бубнил.*

*Почил сентябрь, но скоро Маяковский
в пиджачной паре по Сумской пройдёт,
октябрьский громогласный гость московский,
огромный пленник собственных острот...*

И вспоминая далее в этих же стихах о Мандельштаме и Мариенгофе, о Шенгели и Чичибабине, я по сути называю лишь ключевые камертонные имена, сохраняя при этом в своём внутреннем поле зрения всю эту славную плеяду из названных выше десятков творческих личностей, доподлинно ощущая всё это, «намоленное» раздумьями и поисками, образами и рифмами, ритмами и прасодиями, духовное пространство города, который, скажем прямо, вполне заслуживет сегодня намного больше того, чем реально располагает. Заслуживает так же, как и все родные земли Украины и России, так же, как и шестая часть земной суши, тоже навсегда не чужая душе, рождённой в её пределах в не столь давние годы.

В случае же с Харьковом, думаю, особенно правомерно говорить о не крикливом, но спокойно-величавом и работающем гении места. Говорить, конечно, без фанатизма, начинающегося на конкретную заглавную букву, но так же, как и в случае с другим большим творческим городом, строящим себя и своё внутреннее ядро, в смене поколений, на перекрёстках языков и культур, традиций и новаций. Существует ощущение того, что некая критическая масса честно и истово наработанного здесь духовного достояния уже просто-напросто не позволит явному и постыдному оскудению, ретиво прущему сегодня наружу, возобладать на сколько-нибудь долгое время:

*Все были здесь и все слышны донине.
Озоном слов их — лечится душа.*

*Ползвук от святыни до гордыни.
И, взвешен во всемирной паутине,
так и живёшь — и каюсь, и греша...*

Но не только нитями современной мировой паутины интернета и не только трассами прямых, — наконец-то! — авиарейсов связан Харьков с собеседниками, коллегами и единомышленниками из других славянских земель, государств, городов. Не теряются во времени и не теряют своего значения линии многовековых культурных и человеческих связей, прочерченные на исторической карте города. Так очень заметный вклад в развитие культуры и общественной жизни Харькова внесли на протяжении более чем трёх столетий представители ещё одного славянского народа — польского. Одна из улиц в центре города названа именем полковника Г. Донец-Захаржевского, который более 20 лет противостоял турецким войскам на рубеже Северского Донца ещё в 17 веке. Навсегда вошли в контекст истории города имена попечителя и одного из основателей Харьковского университета С. Потоцкого, живописца Г. Семирадского, поэта Л. Стаффа и драматурга Ю. Коженёвского, композитора К. Горского, фотографа и «отца украинского кинематографа» А. Федецкого, врача В. Франковского, имя которого носит ещё одна из харьковских улиц. В Харьковском университете учился в конце 19 века и будущий первый руководитель возрождённой Польши Ю. Пилсудский. В 1825 году Харьков посетил Адам Мицкевич, в память о его встрече с П. Гулаком-Артемовским на старом здании Харьковского университета установлена мемориальная доска. Здесь же, на Университетской улице, другим мемориальным знаком отмечена и память Северина Потоцкого. С 1991 года в Харькове работает Общество польской культуры, выпускающее ежемесячную газету на польском языке «Полония Харькова».

Действует в Харькове и Общество болгарской культуры им. М. Дринова и организованный им Центр болгаристики и балканских исследований. Ежегодно с участием Центра ко Дню славянской письменности и культуры проводятся международные конференции молодых ученых — Кирилло-Мефодиевские чтения.

При Центре создана также обширная библиотека болгарской и сербской научной литературы и фонотека балканской музыки.

В топонимику харьковских улиц вошли и имена чешских воинов Людвика Свободы и Отакара Яроша, проявивших героизм в боях под Харьковом в 1943 году. А поэтические строки Георгия Шенгели и Владимира Мотрича, созданные в Харькове, несут на себе особый отпечаток адриатического хорватского генома, к которому причастны родословные обоих этих поэтов. Наверное, можно ещё долго и не без успеха продолжать поиски этих, то частных, то символически многозначительных, примеров соприкосновения и взаимодействия родственных культур, традиций, характеров и в контексте отдельно взятого большого города, и в более широком видении.

И потому возникновение именно на харьковской почве нового конкурса «Международной Славянской поэтической премии» представляется мне и вполне логичным, и обнадеживающим событием. Честно говоря, не сомневаюсь, что это доброе дело будет крепнуть и наполняться всё новым содержанием. И название этого моего вступления к поэтическому сборнику участников Первого конкурса «Украина, Россия, Болгария, далее — везде» вполне способно в следующем подобном сборнике трансформироваться в название, к примеру, «Польша, Сербия, Чехия — поэзия жива!»

Ибо и неодолимое внутреннее стремление человека к гармонии, и вступление в жизнь всё новых поколений талантливых и ищущих молодых людей — всё это неотъемлемые черты подлинного Господнего замысла. Так что — до новой встречи 24 мая уже нынешнего 2014-го года, в День Славянской письменности и культуры, когда начнётся приём рукописей нашего Второго конкурса. И до встречи — в Каминном праздничном зале 3 декабря, в день рождения философа-странника и поэта Григория Сковороды, когда прозвучат стихи новых лауреатов «Международной Славянской поэтической премии».

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

ТВОРИ УЧАСНИКІВ КОНКУРСУ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

Любов Якимчук

Україна

перша премія

Абрикоси Донбасу

поема

*Там, де не ростуть абрикоси,
починається Росія.*

Вугілля обличчя

Із очами морськими синіми
Та з волоссям жовтим лляним
Трохи вилиняним
Це не прапор
Це стоїть у шахті
По коліна у воді
Мій тато
Його обличчя як вугілля —
Із відтиском
Польового хвоща допотопного
Роками розтоптане
Море твердне сіллю
Трава твердне вугіллям
А тато стає як трава-ковила
Сивим
Він чоловік
А чоловіки не плачуть —
Так кажуть в рекламі
А щоки його рівчаками
Порубала шахта

І вугілля добуте з обличчя
Мого батька
Згоріло в Донбасу пічках
І багаттях
А десь там високо
Стоїть терикон
Гарчить терикон
Як дракон
Як сфінкс
Що захищає свого Тутанхамона
І знаю тільки я одна
Що посеред степу терикон —
Це корки від пляшок
Які тато випив
І попів від сигарок
Що викурив тато

Терикони грудей

Дерева оці
Як кольорові олівці
Понавтикані вздовж дороги
І тільки часом проїде краз
Посеред степу в лісо-смужку
Донбас! Донбас!
Шипить труба
Сонцю на вушко
Ти стоїш
У спецформі
Вугляного агента
І пахнеш парфумно
Реагентами:
Я жінка
Моя стихія водна:
Це — не тільки зробити чай
Чи помити посуд — ні!

Хоч жінок не беруть у шахту —
Але беруть на фабрику
Вуглепереробну
І я мию вугілля
Ніби мила би коси
Я вугілля подрібнюю
Наче ріжу картоплю
Або перемелюю м'ясо
У блендері фабрики
І заправляю маслом
Розтопленим —
Тобто поливаю цей борщ
Реагентами
Слухай, оці компліменти
Про красу донбаських дівчат
Мають якийсь сенс
Якщо побачити ці заводи
Якщо спуститися в шахти
Або скупатися в отруйних водах
Відстойників
Куди спускають юшку
Від мого оцього борщу
Якщо залізити на терикон
І провалитись йому під ковдру
Точніше — в пряму кишку
А перед тим
Побачити цвіт абрикос
Ніжно-білий цвіт абрикос
А в осінь
Побачити їхнє жовте волосся
Із висоти вагонеткового польоту

Абрикоси у касках

Відцвіли абрикоси Донбасу
Відтінками неба усіма

Абрикоси вдягнули каски
Минула весна
Їх було двадцять
Усі молодці
До тридцяти...
За законами рівняння
Їх і стало двадцять
От тільки нема на що рівнятись:
Вони тримались
На волосині
Сталевого дроту
Вони стояли у клітині
Як у ковчегу Ноевому
Після потопу
Упала бетону тонна
На клітину
Вони випали
Їх розстрощило у вільному падінні
Вони стали вільні
Так, вільні
Як абрикосові дерева
Вирвані з корінням
Їх було двадцять
І стало двадцять
На них рівнялись
За законами рівняння
Коли продовжували ряд
На кладовищі
А мій тато з ними не встиг
Порівнятись
Мій тато тоді вугіллям застиг
А вони піднімалися вище і вище
У гумових чоботях
І з фляжками без води
Із тілами як фляжка
Піднімалися до ангелів

Туди...
І тепер бабусі онукам
Розказують казку
Про абрикоси
У касках

Казка моєї бабусі

Коли сльози
Стають сіллю кам'яною
Коли море в животі
Стає шахтою
Помирають мамонти
І народжуються душі нарозхрист
Вони обмінюють сміливість на горілку
І наймаються на роботу
Зачекай! Ця шахта ковтне тебе
Ця красуня з темною шкірою
Кам'яна
Може для неї скіфи різьбили статуї
Серед неголених як шахтарі степів
Зачекай!
Вона народить тобі мертве море
Її талія не шістдесят
А груди обвисли до пояса
Не заходь у неї
Можеш не повернутися
Мов дитина в матері
Яка не хоче народжувати
Він занурився в неї раз
І повернувся зі сльозами в руках —
Він занурився в неї — два
І повернувся із сіллю в руках
Він занурився в неї — три...
І повні руки вуглин
Потягнули на дно

Підземного моря
Абрикосові дерева розпростерли руки до неба
Абрикоси одягнули жовтогарячі каски
І тепер, коли їси абрикоси
Всередині — вуглина
Кінець казки

Книга ангелів

Твої зуби темні й діряві
Як оці терикони
Твої очі сірі і пряні
Як перевернуті корені
Диму алчевського
Що проростає вгору
І приймається всюди
Як верби
Моє здоров'я кепське
Але жаліти мене не треба
Я дістаю траву, але не якусь
А кам'яну
Із-під землі
Із-під неба:
Колись тут було море
Росла гігантична трава
І на ній колихалися ангели
Трава слухала їхні розмови
Запам'ятовувала слова
І пресувалася в торф
Він витискав з себе воду
Ставав суттю всього
Вкривався свіженьким гіллям
І ще якимись колодами
Ці ангельські слова
Не могли передатись повітрям
Тож ставали легким камінням

Кам'яною травою
Тобто ставали вугіллям
І тепер кожна шахта
Це книжка
З ангельськими словами
Сторінки якої
Горять у пічках —
І це велетенські свічки
Порозгублені
Степами
Тому й Донбасу заводи
Курять в небо димом кольоровим
І їм плювати на заборони
Тютюнопаління
У громадських місцях
Бо на заводських майданчиках
Вони — у себе вдома
А там, як відомо
Курити не заборонено
Навіть коту
Ту-ту
Поїзд
Ту-у-у

2012

Максим Бессонов

Российская Федерация вторая премия

прозрение

предел мечтаний: распахнуть окно,
спасаясь от квартирной пустоты.
и если и жалею — об одном,
что этого всего не видишь ты.
а этого всего не видишь ты.
ты далеко, но ближе чем весна.
и сырость эта словно нашатырь,
причём, она же и погубит нас.
при чём она? я говорю о нас.
о нас — надёжно очень и легко,
когда зловеще в этот поздний час
в окне торчит облезлый абрикос.
в окне торчит облезлый абрикос,
и горизонт горит в сто тысяч глаз.
тут по соседству городской погост:
как мост, окно, переходник и лаз.
как мост, окно, переходник и лаз,
но этого всего не видишь ты.
открытое окно имеет власть
над теми, кто боится пустоты.

лес

Он входит в лес, как в женщину — с любовью,
ещё ни женщин, ни стихов не зная.

я — за спиной его. и мне не больно
смотреть на свет, который между нами
встаёт столбом, закрыв собой кустарник,
два дерева, упавшие в обнимку,
окоп заросший, муравейник старый,
(весь этот вид, подобно фотоснимку,
стоит в глазах моих десятилетье),
а за столбом из света, у оврага,
у края бездны — он — простой, как ветер,
застыл и слился с чёрною корягой.
я подхожу, невольно понимая
его укор во взгляде и с надрывом
я говорю ему: быть рядом — мало.
и я толкаю мальчика с обрыва.
и свет исчез, он должен был исчезнуть,
деревья расступились и чуть слышно
сквозь детский плач смиренное: нечестно,
ты был — сейчас — не я — здесь третьим лишним.
я выхожу, ничейный и обмякший,
из проклятого леса на дорогу.
а он со дна оврага ручкой машет.
я был один.
и я его не трогал.

* * *

*«Я думал, что добрался до дна,
но тут снизу постучали»*

Ежи Лец

но по разным причинам становится ясно одно:
жизнь прекрасна, по осени, если плюс ко всему
ты не помнишь о смерти, и чуть приоткрыто окно.
что тебе ещё надо, мой друг? побыть одному.
тут уместно вернуть то ли мат, а то ли бла-бла
про листочек кленовый, про дождь, облака, но зачем? —

жизнь прекрасна, прекрасна, прекрасна, какой не была
ни когда-то тогда, ни сейчас, ни потом — вообще.
это как заклинанье молитва фантомная боль
ты не думал что все это может случиться с тобой
ты не думал не верил не знал что случиться с тобой
потому ничего никогда не случится с тобой
что добавить ещё?
может вставить с надеждой «аминь»?
вспомню, всё, что забыл и закрою тугое окно.
как прекрасен на фоне людей увядающий мир...
жизнь прекрасна:
тут снизу стучатся, а думал, что дно.

* * *

там снег идёт.
фонарь ещё горит.
мужчина с женщиной проходят не спеша
в подъезд соседний.
словно бы душа
моя проснулась и в окно глядит:
там снег идёт.
там снег я говорю.
и пусть строка провалится во тьму —
я думаю о том, что не умру.
едва дыша, душа, тебя возьму,
как горсть клубники, полевой букет,
поставлю рядом у окна, на свет,
что падает на стену, землю, на
две тени у холодного окна.
там снег идёт.
а здесь моя семья.
ловлю себя на мысли как смешно
благодаря рекламе жизнь звучит.
пусть ничего почти не видел я

в недолгой жизни, но открыв окно,
я вижу снег.
фонарь ещё горит.
душа многозначительно молчит,
когда снежинки бьются о стекло.

* * *

я ничего не жду. я никому не верю.
не ровен час умру, но не о том сейчас.
стоишь ли у окна, гуляешь ли по скверу, —
подумай обо мне, а вовсе не о нас.
подумай о себе. куда бы ты ни делась,
куда бы ни ушла (и с кем бы), даже у..
и пусть тебе о том узнать бы не хотелось —
я думаю тебя на долгом на ветру.
я долго так могу, пускай не бесконечно.
всему предел, но знай, что я..., ты, в общем знай —
я думаю тебя, как думают о вечном.
подумай только раз меня — не вспоминай.
не слушай обо мне. всё около. всё слухи.
мол, он стоял и ждал не у — в самом окне.
подумай обо мне с той стороны разлуки.
на долгом на ветру
подумай обо мне.

* * *

здесь, как и там — напишешь-зачеркнёшь.
по новой, вроде как. хоть и не врёшь,
но понимаешь — тут ты сам, там — люди.
а вообще, там лучше. и — забудем.
опять забудем. зачеркнём опять.
по новой перепишем. это — сядь! —

не то чтоб напрягает — убивает.
я помню всех и всё.
да, так бывает.
бывает отвернёшься — и пройдёшь,
но там, во сне каком-нибудь, наткнёшься
на тень, на слово, музыку, на след —
и понимаешь, что и слов-то нет.
как я сказал? да, кофейку нальёшь,
напишешь сам себя — и зачеркнёшься.

Лора Динкова

Болгария

третя премия

Път

Дъгата ту угасва, ту изгрява,
един самотен Бог създава свят.
Полуреално, сякаш се съмнява,
ще издържи ли крехкият живот
на тежестта от самотата...
Лиричното встъпление за света
е само повод за добавяне на истина
към многото представи и понятия
за недовършен (и смешен) човек.
Гледам с лупа отвърте навън,
приближавам полека душата;
от очите ми стават наспали се
на годините вечните залези...
Аз отдавна стигнах до нея,
ще ме видите сочеща с пръсти
и едва доловимо ще шепна:
под стъклото нямаше нищо!

Путь

Радуга то угасает, то разгорается,
лишь одинокий Бог создает мир.
Полуреально, словно сомневаясь,
удержит ли хрупкая жизнь

тяжесть одиночества ...
Лирическое введение в мир
есть всего лишь повод,
чтобы наполнить истиной
множество идей и понятий
несовершенного (и смешного) человека.
Смотрю сквозь увеличительное стекло
снаружи,
осторожно приближаясь к душе;
от глаз моих поднимаются
уже выпавшие закаты веков.
Я давно приблизился к ней,
уведите меня указующим перстом,
чтобы я прошептал еле слышно:
ничего не было под стеклом!

Подреждане на местата

Преди да имаш лична библия,
не търси справедливост или смисъл —
впита в теб през целия живот,
неканената болка ще отсяда,
ще приближава близо до сърцето ти
и бързо ще открие вечно място.
(Но (ти) няма да си изненадан, защото си
предупреден.)
Посягаш леко към сърцето си,
пробиваш с пръсти в точната посока,
завърташ длан, но е напразно:
напипваш ококорената болка,
която вечно чака твоя прием.

Упорядочивание

Прежде чем обретёшь свою библию,
не добивайся справедливости или смысла —
в нагрузку тебе на всю жизнь,
незванная боль
будет приближаться к сердцу
и вскоре найдет вечное место.
(Но (ты) не будь удивлена, ибо тебя предупреждали.)
Чуть притронешься к своему сердцу,
образовав отверстие пальцами
и правильно вращая ладонями,
тщетно ощутишь боль,
вечно ожидающую твоего внимания.

Преброители

Не съм поет на живите,
онези, които с всяко ранно ставане
чертаят подвига по седмици.
Опитвам, да не би да кажете,
че пиша, за да допринасям в стихове
традицията на бързото произнасяне,
от което се създават хълмове.
Опитвам, правя временни компромиси
пред новата подмяна на изкуство,
усмихвам се, а след това добавям,
че някои правят стихове от органи
без да разбират от прекръстване
и от внезапно спиране..
Тръгват думите и по времето
бъркат знаците;
във подредбата и във края
все пак нужни са п-р-е-б-р-о-и-т-е-л-и.

Кассиры

Я не поэт живых, тех,
кто при каждом раннем пробуждении
намечает подвиги на неделю.
Пытаюсь, чтоб не сказали вы,
что я пишу, внося в стихи
привычку поспешного приговора,
порождающего холмы.
Пытаюсь говорить,
не избегая порой компромисса
с новой подменой искусства,
улыбаюсь, добавляя,
что кто-то составляет поэзию
из органов, не понимая их перерывов
и внезапной остановки.
Приходят слова, но со временем
путаются знаки;
и в становлении, и в завершении
все-таки нужны к-а-с-с-и-р-ы.

Подарък

Не ходете на гробища, защото са празни.
Далтонист си като погледнеш във себе си: сиво и черно;
носиш си гроба през дните,
а във нощите с него заспиваш.
Намерих ви място в празното гробище:
сложете си костите и се настанете;
нека удобно затракат годините,
а след тях да сълзят часовете.
Не е удобно: искаш си гроба за вкъщи:
ето, поднасям го, твой е вече,
не носи във ръцете си свещи!

Подарок

Не ходите на кладбище, там пусто.
Словно дальтоник, посмотришь
на себя: серый и черный;
носишь с собой могилу днём,
и ночью с ней засыпаешь.
Я нашел ваше место в пустой могиле:
положите ваши кости и обживайтесь;
пусть годы уютно погремят,
а вслед за ними иссякнут часы.
Это странно — могила на дом:
Но вот, я дарю, она уже ваша,
не носите же в руках свечей!

Успокоение

(Детето примигна със слепи очи
и изведнъж съзря самотата).
Сега примигвам срещу хората
и губя често своите унеси.
На паузи — през отвор за думите,
разказвам приказки на мъртвите;
за другите — остана само плахото шушукане.
Не си направих път със ближния
и непохватно се засякоха телата ни,
ръцете ни, очите ни — а след това
останахме сираци.
„Спокойно” — прошушвам във ухото ти —
той няма втори път да слезе!”

Успокоение

(Ребенок, моргнув незрячими глазами,
вдруг увидел одиночество).
Теперь моргаю среди людей и часто теряю опору.
В паузах — сквозь отверстия слов,
я рассказываю сказки мертвым;
другим — оставляю только робкий шепот.
Мы не уступили дорогу друг другу,
и тела наши неловко столкнулись,
наши руки, наши глаза
и вслед за этим — остаются сиротами.
«Спокойно» — шепчу я тебе на ухо —
второй раз это не пройдёт!».

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковий*

* * *

Във моя прочит ще се види спомена за време,
във което животът е приспиван със стихове —
сега се сещам твърда ли е люлката
и колко думи съм получила преди събуждане —
„детето е добро и не от млякото ще стане бяло във цвета си“;
усещам мириса на близките —
така както го познава слепият: завинаги;
и ми се иска да е истина онази обич,
за която липсва второ качество.
Преписвам за живота си натъмно —
по навик имам страх от светлината,
в нощта тревата винаги е черна
и не пониква нова памет.

* * *

В моем чтении заметно упоминание времени,
где жизнь усыплена стихами —
теперь вспоминаю, жесткой была колыбель
и сколько слов я получила до пробуждения —
«ребенок хорош и не из-за молока будет белого цвета»;
чую запах своих близких —
так, как слепой умеет: навсегда,
и я хочу, чтобы была правдой та любовь,
для которой нет второго сорта.
Переписываю свою жизнь в темноте —
по привычке у меня есть страх света,
ночью трава всегда черна,
и новая память не прорастает.

* * *

В нощта на меренето везните няма да са равни —
едната ще е пълна с уроди,
а другата — ще бъде празна!
Боговете намаляват заедно с хората.
Лицето обикаля с часове небето си
да търси образ и подобие,
подобията приличат днес на разполовени конуси,
които се протягат едноръко.
Сърцето е във мястото на празнотата —
олекнала везна на мярата...
Седиш на своя гръб, а аз отдавна съм изправена,
в твоето тяло, в моето тяло
един общ бог си тръгна.

* * *

В ночь взвешивания весы не будут равными —
одна чаша будет полна монстров,
а другая — пуста!
Боги уменьшаются вместе с людьми.
Лицо обегает небеса вместе с часами
в поиске образа и подобия,
подобия сегодня похожи
на рассечённые конусы,
протянутые одноруко.
Сердце на месте пустоты —
облегчение масштаба меры ...
Ты сидишь, горбясь, а я давно встала,
из твоего тела, из моего тела,
единый общий бог ушел.

* * *

Дори и недоволен от света,
човекът пак ще го създава по-добър —
във тъжен разговор или във къса мисъл.
(Сякаш е (бил) добър?!)
Наивно някак ще запита
какво ни отличава като хора?
Умът мълчи, ами твореца?
Натрупваната болка заседава
от многото въпроси към отговора,
който всеки носи (но не си признава):
това, което отличава всеки път човека е,
че някога е бил дете.

* * *

Даже если человек недоволен миром,
он все-таки создаёт лучший —
в грустном разговоре или в короткой мысли.
(Как будто мир (был) хорош?!)
Как-то наивно спросить,
что отличает нас, людей?
Ум молчит, но творец?
Нарастающая боль тяжелеет
от многих вопросов к ответу,
который носит в себе
каждый, (но не признается):
Вот, что определяет путь человека, —
то, что он когда-то был ребенком.

Перевела с болгарского
Елена Костадинова

Ольга Воробьева

Украина

д и п л о м а н т

* * *

Вот наши голоса сидят вдвоем на кухне,
и светит лампа им — для мух большой ковчег.
Трехногий табурет скрипит, никак не рухнет,
снег по стеклу скребет, ища себе ночлег.
Что нашим голосам до чада, грязи, дыма,
до стылого утра, что бродит там впотьмах?
Что нашим голосам? Они — неуязвимы.
Но что нам толку в этих полночных голосах?
Вот наши голоса застигнуты и взяты,
обряжены в одежды из серых слов чужих.
...А чай еще горяч и горько пахнет мятой,
И шорох за окном притих, притих, притих.

* * *

Смерти нет, — говорит Мария. — Смерти нет.
Горы щурятся ей в ответ.
Смерти нет, — шепоток усталый. — Нет креста.
Мать давно уже не писала. И сестра.
Горы алой покрыты коркой. Там рассвет.
Смерти нет! И совсем негромко: смерти нет.
Есть молчание — густо-серо. Дом пустой.
Есть икона, чуть хуже с верой. Есть покой.
Солнце снова и снова встанет. Месяц. Год...
Тихо, да. А ещё есть память — чем не кот?

Смерти... — слепо твердит Мария. — Точно нет?
Горы хмурятся ей в ответ.

* * *

В городе пахнет дождем и большой бедою
Дождь так привычен, тревога привычна тоже.
Жители чуют соленою смуглой кожей
страх. Он ломок, колюч — как хвоя.
Город накрыло. «Герои! — смеется ветер,—
Кто из вас встанет и тихо, но властно скажет:
Город у моря! Не бойся, здесь я на страже!»
Море шумит и треплет рыбацьи сети.
Город героев не ждет. Он, похоже, спокоен.
Звон колокольный, старинные теплые плиты,
солнце на площади кем-то небрежным разлито...
Только вот пахнет дождем и большою бедою.

* * *

Фрау Марта пьет чай трижды в день из трофейных чашек.
Муж ее на войне, в его письмах так много фальши,
Шлет посылки, пишет: фарфор в цене,
на войне мне совсем не страшно...
Фрау Марта стала за месяц стройней и старше.
Бабушка Марты стала седей и строже.
Марта тасует карты, шепчет: о милый Боже!
Дергает фартук, бабушка ей: «Ну что же,
Бог им поможет. Наверное, Бог поможет».
Фрау Марта сидит, шелк натянув на пальцы
Что-то давит в груди, тянет ее смеяться.
Муж ей пишет: «ты жди, ни к чему бояться».
У фрау Марты кольцо соскользнуло с пальца.
«Я кольцо потеряла — плохая, наверно, примета.

Да и с фронта от мужа давно уже нет ответа.
Я пишу ему: жду. Напишу еще: нету света
И кладу ему сахару, книгу и сигареты».
...Фрау Марта смотрит, как Ганс на чашке танцует с Гретой,
шепчет: прости ему все. Ну, хотя бы это.

* * *

Так бывает — приходит волна из холодной памяти,
и под толщей ее ты становишься слаб и чист.
Отбиваешься чуть: но ведь я не умею плавать и...
и накроет тебя, как ты рыбиной не вертись.
Кем ты выйдешь из вод, кем вернешься, бедой наученный,
отбеленный до мертвой хрупкости плавника?
И подлазит тоска, расправляет свои паучьи
лапки и вцепляет тебе в бока.
Только ты, и она, и вода над лицом стеклянная,
что отхлынет по капле, оставив тебя сухим.
И тогда — да и сам-то себе ведь не скажешь: ранен я,
и конечно, отучен тоску разливать другим.
Но к кому-то вернешься тонкой пунктирной линией:
вот я был, вот я стал, это Бог недостатки стер.
Если все же узнал, то открой ипусти меня.
Я так сух, чист и бел, что гожусь тебе на костер.

* * *

Надо мною — звезд урожайный год,
Над тобою — небо со мной одно.
И по небу бродит чумацкий скот,
И щекотно звездам от их хвостов.
Может, слышишь, тихо скрипит арба.
Это к морю едут, домой спешат.
За звездой звезда, за грядой гряда...

Кстати, знаешь, милая, я горбат.
Этот горб отращен с недавних пор,
Не мешает есть, не мешает спать.
Но на небе скажут: да ты не вол!
Мы тебя с собою не можем взять.
У обочин неба — знакомый вид,
Только ляжешь в траву — не видно звезд.
Нет ярма на шее, так что звенит:
Ты ведь соль моя. Я тебя не довез..

* * *

Храни нас, Боже, наивных, хрупких,
таких не верящих в этот рай.
Мы ломки, будто яйца скорлупки,
помягче методы выбирай.
Храни всех тех, кто забыт и брошен,
кто вечно с краю, несмел, нелеп.
Не то что даже избавь от ноши,
подай вина или теплый хлеб,
но просто тем, кто Твоей рукою
в жизнь вписан наспех и поперек,
хотя б однажды за их спиною
увидеть дай на крыло намек

Василь Карп'юк

Україна

д и п л о м а н т

Струмок

Цей струмок могутніший за вірш про нього.
Хоч дуже дрібний.
Можна сказати — рівчак.
А можна сказати — гірський потік.
Він тече згори багато років
тим самим шляхом,
що проробили найперші води.
Цей струмок витікає з-під землі
і не більше сорока метрів збігає вниз.
А все ж, могутніший за вірш про нього.
Коли поет виходить на сцену,
то всі захоплені,
бо прийшли подивитися на поета і бачать поета.
Коли ж він починає мовити,
то глядачі ще більше зворушені,
бо прийшли послухати поета і чують його.
А поет каже, що тече струмок,
і всі починають жалюгідно уявляти струмок.
Більше того, поет навіть каже,
що струмок сріблястий і його хвильки
переливаються у світлі сонячних променів,
як перли.
Він каже, що струмок шумить,
наче грає на цимбалах,
і це чи не найчарівніша мелодія,
яку йому випадало почути.

Але ж вода з-під крану також шумить..
От я й кажу, що цей струмок
набагато могутніший за вірш про нього.
Бо поет — егоїст, а глядачі лінивці.
Адже треба йти дивитися не на поета,
а на струмок.
Він не більше сорока метрів
збігає вниз до маленької кринички,
з якої влітку корова п'є воду.
Тато щороку чистить його від листу,
аби не заснічувався.
Сьогодні він жвавий, бо весняний.
Взимку його не видно з-під снігу,
а восени — з-під листу,
але я знаю, що струмок біжить.
Влітку часом майже пересихає, і тоді треба
носити воду корові відрами з великої криниці.
Проте, він завжди могутніший.

* * *

Господь кладе свою руку мені на плечі
І каже: йди!
Переступаю гори і доли
Будинки і людей
Аж чую — важчає рука Господня
Аж хребці у попереку хрускають
Переступаю купини і калюжі
Каміння і собак
Аж придавлює мене рука до землі
І повзу як вуж
як гадина
Аж мурахи по мені лазять
І всякі комахи
Вже вони через мене переступають.

* * *

Пташка пурхнула
Як вірш написала
Чи може бути кращий вірш
Як той що пурхнула пташка?

* * *

...де могили наших поетів?
Василь Голобородько

Кажу:
Був на могилі поета
Молився за упокій душі
Чую:
Ніякого поета там не було
Самі кістки
А мо' й без них
Кажу:
Але ж на хресті писало
Такий-то такий-то
Український поет
І роки народження та смерті
Чую:
Писало то й писало
Багато чого може писати
А поет коли помирає
То його вже нема
Тіло є а його нема
Кажу:
А де він міг дітися?
Хіба пішов до Бога
Чую:
У Бога вже є один Поет

А решті він дає направлення
На книжкові полиці
Кажу:
Ага то бібліотеки книгарні —
Це такий рай для поетів
Чую:
Це таке пекло
Рай — коли їх звідти
Забирають.

* * *

Їхав у таксі
Поруч сидів Тарас Мельничук
Я хотів взяти автограф
Та не мав під руками
Ані «Чаги» ані тритомника
І тоді попросив його
Сказати щось мудре
Яке в біса мудре? —
Обурився Тарас Мельничук —
Хіба я схожий на професора?
Та ні! Але у вас
Така сива борода
І такі сиві вуса
І сиве волосся
Тим паче! — знову мовив Мельничук —
У мене все сиве
Я Сивко-Бурко!

Аркан

(апокриф)

Апостоли у постолах танцюють аркан
А Ісус за цим спостерігає
І добра усмішка з'являється
На Його обличчі
Останній танець
Перед відходом до Галілеї
Остання мелодія
Жалібною скрипки
Що так пронизливо
Награв знайомі мотиви
Спітнілі чола апостолів
Переливаються сонячним промінням
А тонкі ляні сорочки
Прилипають до вологих тіл
Й увиразнюють візерунки
Вишиті їхніми жонами
Котрих сьогодні бачать востаннє
І востаннє чують запальні ритми
Гуцульського аркана
Ісус поважно вирушає в далеку дорогу
Й апостоли прямують слідом за Ним
Лишаючи у споминах
Дивну мелодію
Що ніколи не згасне
У їхніх серцях.

Ия Кива

Украина

д и п л о м а н т

Малыш и Карлсон

Малыш Карлсону пишет:

«Я очень боюсь здесь спиться,
Тут полно собак, но так не хватает людей,
В хороводе теней попадаютса самоубийцы
И больные саркомой, раком и СПИДом,
Это место все называют концлагерем Freedom,
Ты по карте быстро найдешь, прилтай поскорей».

Карлсон пишет в ответ:

«Растолстел. Заржавел пропеллер.
Да и бомж я давно, на крышах теперь не живут,
По ночам, как и прежде, будит северный ветер,
Но летаю только при полной луне,
Хоть нигде не прописан, жду тебя в гости ко мне,
Я сейчас на пустом корабле, в одной из кают».
Голубиная почта работает без выходных,
Чтоб прочлись все слова, что доверили карандашу,
А к Стокгольму, тенью шурша, подступил птичий грипп,
Малыш Карлсону пишет, а Карлсон ответ — Малышу.

Песенка

Здравствуй, милый мой хороший, пациент палаты шесть
Колыбель из хлебных крошек лепит, сматывая шерсть
Из казенных дохлых корок, тербит их на клубки,
Надзиратели с ухмылкой зубом скалятся в замки,

Люли, люли, люли, люли, дочка наша хороша,
Чернохлебовые ножки, белохлебова душа.
Помнишь ли, как в день ненастный на исходе декабря
Мое сердце замуж вышло, вышло замуж за тебя?
Где-то хнычет песню Сольвейг, и Офелия храпит,
И хохочет над дурнушкой Евой рыжая Лилит.
Люли, люли, люли, люли, дочка наша хороша,
Чернохлебовые ручки, белохлебова душа.
Сонный лунный луч стучится о решетку мутных глаз,
Где-то вой собачий вьется, ветер напевает джаз,
По ночам ко мне садится смерть на рваное сукно,
Ей в который раз не спится, в маскарадном домино.
Люли, люли, люли, люли, дочка наша хороша,
Чернохлебовые глазки, белохлебова душа.
Стонут тени на рассвете, рассекая лоб заре,
Белым саваном таблеток снег лежит на пустыре,
Киснет стылый чай в стакане, кудри слиплись от тоски,
Только две строки не ранят поседевшие виски:
Люли, люли, люли, люли, дочка наша хороша,
Чернохлебовое сердце, белохлебова душа.

Моим крыльям

Я хочу себе крылья ангела на распродаже
Получить, небо шепчет в ухо ритмы полета,
А друзья говорят: «Окстись, мол, и ты туда же», —
И готовят патроны (стрелять в меня) из пулеметов,
Сколько раз, проходя у подножья слепой витрины,
Я гадала на белых перьях: жить/ не жить/ нежность,
Выбирая обычно третье, как бром на ужин,
(Люди-ангелы — почти все вчерашние психи),
Выдирая живые корни из сердцевины
Одуревшего от паст симпла сухого глаза,
Вы мне дайте, пожалуйста, те вон мертвые крылья,
Мои нервы не выдержат ждать до другого раза,

Мои губно-губные и фрикативные ищут на ощупь
В каждой бухте трамвайной большие порезы на спинах
В драпировках из красных одежд (они кровоточат
И разводят руками, как грустные птицы пингвины),
И подходишь к таким вот с вопросом: «И ты тоже ангел?»
А в глазах цвета боли метнется: «Конечно, тоже»,
К магазину, где крылья пылятся в неоновых лампах,
Ближе к полночи тянутся стаи печальных прохожих
В длиннополых пальто, с волосами а ля Боттичелли,
Впрочем, все их приметы родом из Ренессанса,
Они просят устроить крылатую распродажу,
Предлагают небесную взятку начальнику стражи,
И теряется речь, и клекочут худые гортани,
И витрине становится тесно от белого пуха,
Вы мне дайте, пожалуйста, те вон ожившие крылья,
Мы так долго, так долго искали по свету друг друга.

Город у моря

Город у моря похож на подножие неба,
Ты слышишь ангелов клекот, дыхание Бога,
Четкость его камертонного чуткого ритма,
Здесь можно пить синеву, обходиться без соли
С блюдом любимым, и морскою водой вместо хлеба
Утром и вечером щедро кормить свое брюхо,
Или, раскинувши плечи, качаться на волнах
Длинным изогнутым стеблем в плоту Хейердала,
Шепоты мертвых армад различая сквозь тину,
Даже во сне в твоих мочках рокошет бесшумно
Память творения мира и память потопа,
Зыбкий песок чертит в воздухе буквы молитвы,
Льющейся за горизонт между небом и морем.

* * *

Мы заперты в бараке перемен,
Как пара шустрых блох в седой собаке,
И дядя Сэм привычно машет нам на флаге
Эскейпом в землю Оз, с подвозом в Диснейленд,
Старик Раджниш расскажет нам «за жизнь»,
Саньясой намекнув на мысль о бегстве,
И мы с коровами в чудеснейшем соседстве
Жить-поживать начнем в ашрамовой глуши,
А родина, даваясь слюной, смолчит,
В который раз от нас себя избавив,
Жизнь коротка, и людям нынче не до правил,
Мы дышим в пятки generation beat,
Поскольку грек-Харон работает без виз,
Подслеповато вглядываясь в лица,
Нам снится вечный бой Аустерлица,
И между датами лоснящийся дефис
Под соло IBM упрямо проступает,
Шесть первых цифр и день и ночь зубря,
Покуда спор о копирайте на тебя
Умерший бог с покойным автором, хромая
В познание риторических фигур,
Плетут, изъязв значок чего-товеда
Из обращения, ибо мир — театр бреда,
В котором ноты не читают партитур.

Сергей Куликов

Украина

д и п л о м а н т

500

Проходите, не стойте, не слушайте! Стих мой сер,
мир мой мал и не может вместить даже капли вас.
Я бездарный писака, укравший чужой размер,
я строчу миллиарды затасканных, пошлых фраз.
А потом выхожу и, вперяя свой взгляд в паркет,
с недоделанной страстью читаю свой главный хит.
Ну подумайте сами, какой из меня поэт?
Даже если я всё же умею писать стихи —
что с того? Пусть глагол мой и правда кого-то жжёт,
и какие-то девочки скажут «у вас есть дар»,
пусть мой бред издадут ограниченным тиражом —
но мне некому впарить и авторский экземпляр.
А когда я спущусь, содрогаясь как холодец,
чтоб упасть на пластмассовый стул и зарыться в зал,
то никто не шепнёт мне на ухо «ты молодец»,
и никто не застынет ни в ступоре, ни в слезах.
Мне не будут писать, как не пишут уже сейчас,
мне не будут кричать, что я сволочь и декадент,
Если я вдруг нажрусь — похмелиться никто не даст,
если сдохну — то хватятся минимум через день.
Но сегодня я всё же в ударе каких-то чувств,
даже если никто не оценит и не поймёт —
погодите, постойте, послушайте! Хоть чуть-чуть!
Я попробую, я постараюсь. На все пятьсот.

Skype me

Список контактов. Найди себе собеседника
и начинай говорить, материться, каяться...
Видишь, по скайпу в твой комп с чердака соседнего
тихо пролез обезбашенный толстый Карлсон.
Синие брюки, пропеллер с частями сменными.
Только прошел техосмотр, но заправки требует.
Нету варенья? Ну что ж, накорми пельменями —
и не пытайся отмазку сплести хвалебную!
Лихо зависнув над грязными занавесками,
вдруг он с ноги как зарядит по зомбоящику,
скажет: «Пустяк! Это дело, поверь, житейское!
Вместо стола ты на свалку бомжам отдашь его».
Вместе вы бросите дом и рванётесь в сумерки,
корча гримасы мучительным домработницам.
Ты же мечтал отомстить тем вселенским жуликам?
Так с привидением будешь на них охотиться.
Это же лучше собаки, кота и прочего —
шляться вдвоём над угрюмым уснувшим городом,
просто забыть обо всём и не раскурочивать
глупыми мыслями больше больную голову.
Но не забудь, на рассвете всё это кончится.
Гость твой исчезнет, а может быть, рухнет замертво,
и как всегда, ты окажешься в одиночестве —
рядом с колонками, ноутбуком и веб-камерой.

Йогурт

Год прошёл, а как будто больше.
Вновь — насмарку пошедший праздник.
Мне непросто, ведь это боль же —
вспоминать по второму разу,
как, украдкой борясь с зевотой,
тихим утром воскресно-блеклым

по пути на свою работу
забежал я в твою аптеку.
Свои губы губами трогать
ты позволила мне тоскливо,
а еще ты дала мне йогурт —
тот, с орехом и черносливом.
Я хотел тебя так напиться,
чтобы голод заглох бездонный.
Угостила меня ты пиццей,
надарила фармацитрона...
Кто ж мог знать, что, общаясь в аське,
в тот же день мы безумно быстро
променяем остатки сказки
на суровую правду жизни?
Поцелуй этот был последним.
После — ссоры, упреки, нервы...
Но в рифмованных жалких бреднях
он впечатан мной, будто первый.
И теперь, когда дух мой дрогнет,
буду грусть я топить не в пиве.
Я глотаю тот самый йогурт,
что с орехом и черносливом.

Поэты

Первый снег сапогами решив опорочить,
крепко выпив, а может быть, и покурив,
в старых куртках поэты выходят на площадь
состязаться в метании бисера рифм.
Разномастнее братии, право, не встретить.
Я примазался к ней за каким-то рожном,
но слоняюсь в сторонке, ни тускл и ни светел —
впрочем, это других волновать не должно.
Чинно кланяясь даме, что кровь рифмовала
сами знаете, с чем, изучаю народ.

Вот ведь горе! торговцев словами — навалом,
но товар их задаром никто не берёт.
Ну так чем же мы лучше иных безъязыких?
Что с холодным вниманием видим вокруг?
То ль следы в головах от ребяческих бзиков,
то ли бред, а порой — лишь нехватку подруг.
Да куда уж тут шушере псевдобогемной?
Приговор человечества прост и упрям:
с постамента не снят металлический гений,
но теперь он — заложник учебных программ.
Как всегда, из материй высоких и тонких
бренный слог опускается в область нитья...
Впрочем, знаете, мне хорошо и в сторонке,
если эта сторонка — немножко моя.
Жребий брошен. Итак, одеваюсь поплоче,
пью коньяк и взираю на мир свысока.
Да. Поэты, как прежде, выходят на площадь.
Но теперь против них не выводят войска.

Лишившийся

Лишившийся музыки поэт состоит из невроза,
в крови его — кофе и лучший технический спирт,
душа его просит ремня и просоленных розог,
рука его пишет, а ум, к сожалению, спит.
Он мрачен и хмур, не поёт, даже стоя под душем —
зато неустанно, замучив бумагу вконец,
рисует воздушных медведей из серого плюша,
взлетающих ввысь над цветочками в форме сердец.
Поэт позабыл, каково это — быть не влюбленным.
Он мелет бессвязную чушь про угасший огонь,
про то, как в неравном бою у слепца-Купидона
заглох пулемет, доедая последний патрон.
И все его строчки — эрзац-заменители страсти,
а та, в свой черёд, выступает заменой любви.

Поэт растолстел, пожирая мучное и сласти
в напрасной попытке улучшить свою «се ля ви».
Поэт одинок и пленён пресловутым либидо,
а снятся ему по ночам, что скрывать, все подряд.
Он гордость готов растоптать, наплевать на обиды,
чихать с колокольни на всё, что о нем говорят,
лишь только за проблеск, единственный проблеск надежды...
Трагично, не правда ли? Как вам мой пафос, друзья?
Вы ждете развязки? Ну что же, она неизбежна.
Я счастлив солгать, что поэт этот — вовсе не я.

Анна Минакова

Украина

д и п л о м а н т

* * *

В тех краях, где мы были с тобой,
слышен клёкот земли голубой,
слышен посвист растущего клёна.
И когда нас возьмут холода,
не заснём, а вернёмся туда,
несомненно и определённо.
Если влажные сны торопить,
то любимой земли не испить.
Кровоточит, но светится ранка.
Там прилипчивый сахар песка
мне понятен, и глина близка.
Или я не вполне чужестранка?
Это нам, дуракам, подают
неумытых ботинок уют,
платья лёгкие, птичьи манишки,
и зелёновый щёкот травы,
и полуденный гул головы,
и поэтов юродивых книжки.
Я к тому завожу эту речь,
что уже не обнять, не сберечь
тех, кто райской напился водицы.
Но не будем, возлюбленный че,
друг у друга рыдать на плече,
ибо это ли нам пригодится.
Друг печальный, не нам ли пора
чёрный снег выметать со двора

и глотать не вершки, а коренья?
Чтобы что-то в нутро потекло,
обращая земное тепло
в неземное какое горенье.

Холодно

Славку Вакарчуку

Нешто холодно? Что ж-то неладно, тарам-парам?
Что мордует тебя, али дует в твоё вікно?
Окаянная музыка мучает по утрам
И прогорклые вирши — если стаёт темно.
Эй, чувак Вакарчук, чудо-птица моя говорун,
Гулко охает эхо на крышах, на кры-ышах,
Вьётся стёклышко ветрышка, рвётся на тысячи струн
И звереет, звеня, в воспалённых твоих ушах.
«И звучит эта адская музыка» (стерпишь ли?)
Да ещё, горемычная, грекает щучка-щеколда
На двери. Отвори — твои глюки и вопли пришли,
Несусветно твои — безутешные песни. Прикол, да?
На морозе крепчает мучительный голос твой,
Развевается шарф — полосатый, полуживой,
И колючее щось, горячее — в горле твоём,
И картавое хлещет, горькое — из горла.
Значит — холодно, зяблик, ага? Обнимает мгла,
Ты буравишь её, и взгляд — веселей сверла.
Коченеешь, друг. Ничегошеньки не меняй.
Ты продрог, озяб, но озноб твой греет меня,
Оловянный стойкий, жалісный снегирёк.
Пустота. Пусть так, пусть ты, бедный, не ешь, не пьёшь,
И мурашки бегают, бегают у крыла.
Если было б тепло — твоя песня бы умерла.
Только — холодно, боязно, больно — и ты поёшь.

* * *

я хочу чтоб всегда вырастала звезда
над твоим молчаливым окном
чтоб стучали шумели всегда поезда
и тянулись сплошным волокном
из далёких и нерастворимых краёв
незапамятных детских краёв
где жуков находил и встречал муравьёв
и апостолов и воробьёв
и летели апостолы в белых плащах
словно перистые облака
улыбались легко говорили «прощай»
Тимофей Иоанн и Лука
исчезали в дыму за дорожной чертой
где растут полевые цветы...
я хочу чтобы ты никогда ни за что
я хочу чтобы ты чтобы ты...

* * *

Интересно, когда человек как цветок,
не мигая, глядит на зелёный восток —
в мельтешне ли, толпе ли, пустыне,
словно в жилах его не кровища, а сок,
и внимательный свет в сердцевине.
Будто кто-то ему указал на звезду:
из неровного облака вынул.
И теперь он цветёт в поднебесном саду
меж тюльпанов, ромашек и примул.
А в густых золотых волосах волосах
шебуршит, воскресает пшеница.
Интересно, что весь он — почти в небесах,
стебелёчек и стрелка на Божьих часах,
но ему — вместе с нами — висеть на весах
и к земле неподвижной клониться.

И неспешные очи лилово разув,
обмирая, вздыхая глубоко,
он как будто готов сквозь росу и слезу
посмотреть на неблизкого Бога.
И выходит во двор, где сияют кусты,
полон солнца открытый его рот.
И ложится пыльца на волосы и персты,
и рубашки отвёрнутый ворот.

* * *

облака словно сны стеклодува
не устанут живыми казаться
я увижу тебя молодого
и земли перестану касаться
рано-рано придётся проснуться
и лететь как летит голубица
но как будто бы не дотянуться
не упиться и не полюбиться
и как будто бы неотделимы
неужель отделить мы не вправе
целый мир растворимого дыма
от любви от сияющей яви
и зачем только сердце листаешь
всё равно не найдёшь не ответишь
ты останешься или растаешь
отвернёшься и сам не заметишь
но вокруг небесаobeliski
без оглядки плывут без опаски
но сейчас ты весёлый и близкий
и на клумбах анютины глазки
то ли места себе не находят,
то ли вовсе во сне и пареньи
и сирень из-за дома выходит
и купаются люди в сирени

* * *

Мне в детстве твоём, словно в детстве своём,
знаком каждый дом, уголок, водоём,
и смех голубиный, и шум тополиный,
и белых небес голубой окоём.
Как будто бы помню картинки твои,
ботинки твои и пластинки твои,
твой дом у железной — как сердце — дороги,
следы, тайники, паутинки твои.
В далёкую память как тополь вращён,
с лихвой одарён и заране прощён,
ты смотришь пронзительно и близоруко
оттуда, где мы не знакомы ещё,
туда, где уже улыбаешься мне,
и где наяву веселей, чем во сне,
где ты подаешь мне пальто так несмело,
как падает на спину бережный снег.
А после — разлук удушающий зной,
угар торфяной и оскал ледяной.
Ты видишь, беда наплывает, как туча!
Пуškai не случится с тобой и со мной.
И я возвращаюсь и снова стою,
где красят скамью и поют соловью,
где ты еще маленький и одинокий,
и гладишь трехцветную кошку свою.
И если среди беспокойных теней
какая-нибудь подкрадется ко мне
недобрая неотвратимая правда —
пусть я ничего не узнаю о ней.

* * *

Я буду в этот день твоя или никто,
любимая или заплаканная насмерть.

Я кутаюсь, ряжусь в дырявое пальто,
и спутники мои — маразм, озноб и насморк.
Дыра в моей груди ещё не зажила.
Одним тобой была и буду уводима.
Я без тебя пуста, темна и тяжела,
с тобою — весела, светла, непобедима.
Побудь со мной ещё, ещё-ещё-ещё —
до самого темна, заката золотого,
до самого светла. Когда предъявят счёт,
я буду ко всему практически готова.
И от меня себя отвадить не берись —
не хватит ни ума, ни холода, ни силы.
Смотри, мои слова по свету разбрелись
рассказывать о том, как я тебя любила.

Ирина Жарикова

Украина

Дорога

К простуженной просёлочной дороге
в халате грязном и заплатах каменных
не будь таким предвзятым, грубым, строгим.
Её мечты и без того изранены.
В осенней суете, в дождливых сумерках
её прости. Благодарю за многое:
за то, что в недоленном безумии
она вела тебя — твоей дорокою!
Обезумевшая ночь
Обезумевшая ночь
Бросилась с перрона
Под колёса поездов,
Напугав рассвет,
Растеряв на рельсах нот
Станы, яви, стоны.
Может, даже повезло,
Что её(!) — и нет.
Но рассвет храбрее нас,
Он осилит страхи,
Пробираясь на вокзал
Наших скорых дней,
Позволяя каждый час
Возводить на плаху —
Тех, кто ночи не сказал
Бережное «нет»!
И бегут-бегут-бегут
Сонные вагоны,

Разбредаясь в горизонт,
Окунаясь в явь.
На вокзале грузных судеб
В отблесках оконных
Ночь одна без тормозов
Вознеслась, упав.

* * *

Когда зима наступит грозно
на обречённый лист берёзы,
когда ты вновь возненавидишь
неровный нрав календаря,
готова я всё разом бросить,
бежать к тебе, спасая осень,
ты только сам скажи об этом,
слова мне плоские даря.
Из плоских даже — ряд за рядом
сооружу фасон наряда
и разукрашу рыжей охрой,
и гордо осени вручу
сюртук из слов — прощально-тихих,
узором в нём — неразбериха,
но точно знаю — не промокнет,
пока достанется к врачу.
Хотя лекарства вряд ли кстати,
и книжек ей не долистать, и...
зима коварна — одиночка,
сметает всё, заснежит всё...
Но Ты зови.
Пусть время — словно
зимой немеет. Я дословно
твои молитвы повторяю
и знаю: Бог тебя спасёт.

* * *

В холодной паутине ночи
Оставив томик светлой грусти,
Приклею солнце к небу скотчем,
Когда зима к тебе не пустит.
И разберу стихов осколки,
Не став их склеивать от жажды,
И птичий смех во мне умолкнет,
Но возродится вновь однажды.
И столько будет в гу(г)ле улиц
Минут, что станут в сердце камнем,
Когда, шатаясь и сутулясь,
Мы станем прошлым, дымным, давним.
Себя вплетая между строчек,
Уснув на этой паутине,
Я знаю — мой неровный почерк
В тебе молчанием застынет...
бал
Вот и он — мой кусочек вселенной:
Волны ночи, балкона палуба,
Звёзд мерцание. Небо — тленно,
Но небесная братия правит бал.
Заплетая в ночевие жемчуг звёзд,
Надпивая из лунной бочки.
Вермут к балу извозчик в телеге вёз
Через сотни веков по кочкам.
Расплескался ручей — океаном стал —
Ледовито-ночной-нетихий.
И в моём уголке вселенной — бал
И оранжевость облепихи.

* * *

вдыхая май в кладбищенской пыли,
не узнаю в себе себя я боле.
угрюмый бродит ветер-исполин —
и тот дрожит от неизбывной боли
теряя счёт незванным сквознякам
усугубив с лихвой худую карму,
хотелось там пореже возникать,
где параллели скрещены попарно
являясь сгустком света и тепла,
надгробья украшая к светлой Пасхе,
не лечим души — изредка тела,
а потому — богам и курам на смех...

* * *

дай мне, Боже, только силы — чтобы вынести
наказания за все грехи-провинности...
дай увидеть лицемера искренним,
чтоб добро из глаз — не ложь — искрами.
дай по полной всё стерпеть-выстрадать,
не пугаясь грозowych выстрелов,
не страшась и тишины шорохов
не продать всё, что свято-дорого.
отпусти меня гулять по небу,
чтобы там меня спасли (поняли).
жжёт... ветрянка нелюбви — оспами...
что молчишь? ещё не время, Господи?

Вано Крюгер

Україна

Ψυχή *

37,2°C

Від жару гарячки в моїх мізках
Дражливі і хтиві думки
Згорнулися у лялечки.
Я відчуваю їх кінчиками коренів всіх своїх нервів,
Як вони, прикріпившись черенками
До костей мого черепа,
Врізаються в мої лобні долі,
Невпорядковано проникаючи поміж звивин кори.

38,6°C

Згрубла шкірка на лялечках луснула,
Покрившись маленькими і дрібними тріщинками.
Метелики моїх думок ще повільно,
Але чимраз впевненіше,
Намагаються розпрямити свої крильця.
Вони ще легенько і несміливо ворують ними,
З нетерпінням чекаючи доки вони
Наберуться соків і сил, і розправляться.

39,8°C

Метелики розпрямили крила:
Тепер я дивлюся на цей світ
Широко розплющеними очима
Крізь вітражі-окуляри — не рожеві, й не чорні, а —
Різнобарвні вітражі їхніх крил, що переломлюють світло,
Зображаючи драму Страстей за Матвієм,

* Ψυχή — душа (грецьк.)

Мов на фризі Вестмінстерського собору.
40,2°C
Метелики пурхнули врізнобіч...
Миттєво весь світ розлетівся на дрібнесенькі друзки
Мінливого, різнобарвного світла,
Що калейдоскопом щомиті складається в нову,
Швидкоплинну, барвисту, текучу, примхливу
Мозаїку.

* * *

Клацає запальничка, розбуджений її вогником тютюн
Починає тліти,
Випускаючи в повітря білі троянди із тютюнового диму:
одну за іншою, одну за іншою, одну за іншою...
Я дивлюся на тебе крізь простір кімнати,
моя Лауро, моя Беатріче, Мадонно,
Як би тобі дико личив весільний вінець з цих троянд...
А ти ж така замислена, така дико далека від мене...
Ще раз клацає запальничка...
З кожною моєю затяжкою, з кожним ударом мого серця,
Тютюн потріскує...
Я дивлюся на тебе крізь простір столу,
Замислившись, як би погойдувалися
в Едемському садку твоїх грудей
Дві стиглі сливки,
Чи ж так само ритмічно, як потріскує тютюн,
В такт твоєму подихові,
Моя Лауро, моя Беатріче, Мадонно?
Знову клацає запальничка...
Вже немає між нами жодної відстані,
Ми вдвох на ложі із білого диму,
Вся білизна, як зайвий непотріб,
покинута десь за порогом...
Вчетверте клацає запальничка...

Розкурюється люлька так довго...
Ех, дарма ти ненавидиш курців —
Це романтики прерій,
Це спадкоємці індіанських вождів.
Моя люлька могла б бути
Люлькою миру.
Й сокира війни не закопана,
А, мов прикраса, висить в кабінеті —
Та все ж, Лауро, Беатріче, Мадонно,
Наше кохання примхливе, мов білі троянди
Із тютюнового диму
На холодному, осінньому вітрі...

* * *

*і горда осанна здирає намисто
як зорі з'їдає привчений молюск*

Іван Андрусяк,
«Вірш для Оксанки»

Цей дивний хижий світ!
Як можна дивитися на нього
І не зранитися?
Дівчинка-панда ховається в мушлі
З дзеркальними стінами.
Дівчинка-панда ніжна,
Мов сон метелика літньої ночі,
Ось навіщо їй мушля...
Лишень визирнувши з неї,
Дівчинка-панда побачить,
Як сонце танцює у почті з морських павуків...
Лиш відступи на мить,
І той морський павук
Накине на твоє обличчя сітку,
Як він її уже накинув

На тих, хто спочиває
Під твоїм порогом — носить
На обличчі вічну маску із коралів.
Ех, знати б, куди плив той корабель...
Глянь,
Твоя мушля, як Папська тіяра,
Визирни з неї
І подивися
На сонце —
Воно не старіє,
Хоча і вмирає щоночі.
Куди тобі змагатися з ним, Дівчинко-пандо...
Тож ти дивишся у свої дзеркальця,
Твій всесвіт існує між ними,
Май мужність, заплющ їх —
Хай він зникне.

Нічний метелику Житомирської траси...

О. Ш.

Нічний метелику Житомирської траси,
Ти вилітаєш щоб збирати мед
Фур водіїв —
Чоловіків Житомирської траси.
Ти вилітаєш кожен день —
Чи радше кожну ніч,
Заздалегідь до сходу сонця,
Ще до заходу світанку,
При світлі місяця, небесних зір,
І зір земних — фар
Фур,
Що курсують
Маршрутом Київ — Львів

В нічному холоді змертвілого туману.
Нічний метелику Житомирської траси —
Ти одинока бджілка ночі.
Твій мед гіркий,
Та це й не дивно —
Твоєму медові, як і тобі,
Не світить світло сонця,
Він зібраний в нічному холоді змертвілого туману,
При світлі місяця, небесних зір,
І зір земних — фар
Фур, що курсують
Маршрутом Київ — Львів
В нічному холоді асфальту автобану.
Ця ніч залишить зайву смужку
Чорноти під нігтями у тебе,
Щоб світло зір земних
Могло вчепитись в твої руки,
І принести
Хоч кілька крапельок нектару
В нічному холоді змертвілого туману —
Цих випарів асфальту автобану.
І я питаю зараз,
Не зариваючись в твоє масне волосся,
Й не відриваючи від праці,
Що сниться вдень тобі,
Нічний метелику Житомирської траси?

Мирослав Лаюк

Україна

осоте!

(фрагменти)

1

позбав мене імені осоте
я хочу стати тобою
я хочу хапати лисиць і козуль за лапи
і не полохати їх
розповідати птахам
сни мого коріння
ховати у пазусі сиву змію
і вигрівати її дітей
я хочу знати
де пасуться стада підземних жуків
куди зникають нетлі
з червоними животами і сірими крильми
як б'ється серце саранчі
і як проходить флейта крізь куницю
я хочу годувати з рук ведмедів і ворон
я хочу стати собою
осоте

2

шкіра осоту мені до душі
під шкірою осоту немає нічого
навіть легенів і бронхів
навіть печінки навіть нирки хоча б однієї
а особливо немає серця
я заздрю тобі осоте

зздри́в то́бі за́вжди ще то́ді
коли ку́рив су́ху тво́ю шкі́ру
з хло́пцями по́далі від ба́тьківськи́х оче́й
у ви́соких бу́р'яна́х
за́здрю
коли зри́ваю то́бі голо́ви про́сто йду́чи
сте́жкою
коли вби́ваю те́бе за́здрю
я за́здри́в то́бі за́вжди
і те́пер за́здрю
і оби́цяю що́ бу́ду за́здрити
ти зе́лена зу́хвала шкі́ро
ти че́нче ба́йду́жості
ти!

З
хло́пчик-мо́лодчик
грався на го́роді
редис́ка — ста́лін
бро́колі — бе́рія
о́гірок — гі́тлер
ла́тук — ге́бельс
мо́рква — єза́вель
редис́ка ро́зстрі́лює хви́льового і клі́юєва
бро́колі гва́лтує ку́куру́дзу
о́гірок ма́ніпу́лює бджо́лами
і не́нави́дить всі́х бу́ряків
ла́тук ві́шає ра́вина
мо́рква ви́пускає во́ронам ну́тро
істи́нно ка́жу ва́м:
редис́ка ста́лін бро́колі бе́рія
о́гірок гі́тлер ла́тук ге́бельс
мо́рква єза́вель
осо́т — дя́вол

4

бо це мій сумнів
чи зможу я зову стати осотом
коли обійду коло
коли буду певним?

шифер

слався о шифере вишитий градом
трісклий порослий старими мохами
завтра тебе поскладають під садом
довше не будеш над нами дахами
завтра ми шкоду на купу зберемо
трухлі дошки старий одяг і меблі
гілля що з деревом стало окремо
завтра на ватрі ми будемо теплі
«тільки щоб шифер в вогонь не кидали!»
тріснуть жуки що спеклися до краю
блиснуть там-сям кольорові метали
діти з-під саду крадуться з шматками
в шифері душі дахів вибухають
завтра не буде нікого над нами

артеміда

над цими шляхами прирубані зверху тополі
пшениця не родить падають пташенята в пшеницю
над цими асфальтами джміль опадає поволі
як лист як листок як відро що зайшло у криницю
ця спека спаде ці розмітки минуть за дощами
цей знак де стрибає в червоному трикутнику олень
означить косулю що ходить своїми путями
крізь поле й асфальт повз прирубані зверху тополі
промчиться авто роздавивши джмеля і півспеки

промчить як стріла і в землі розірветься коріння
й пташата кричать мов «таласса» кричать давні греки
цей день не мине від початку до спокою літа
тополі лежать на асфальті відмічені тінню
і лань розляглась на асфальті немов артеміда

металівки

цікавість і радість — залізного кольору
як бронзове горе і гнів який бронзовий
і срібло відрази від надлишку гонору
і цинк що огида і сором що олово
свинець здивування що часом — оскома
цей страх ця вина наче кобальт і нікель
звучать у землі в крокуванні людському
в сонеті артюра що вийшов нізвідки
артюре скажи щось — артюра розколото
на звук і на фарбу на ноги й легені
артюра наразі приваблює золото
що небом тече — і тонкі траєкторії
котре не витримую більше у жмені
як келих грааля і власну історію

Алла Миколаєнко

Україна

Молочный шоколад

місто ковтає начинку нічних вогнів
присмак мигдальний вертає дитинну радість
в срібло із фольги цей шоколад загорни
прибережи мені а то ще хто вкраде
знаєш я дуже люблю як горять мости
так би над ними до самого ранку не спала
тільки муркочуть очі наче коти
дня забагато ночі нестерпно мало
ненапиваюсь небесного молока
ненаїдаюсь морозива і шоколаду
так із любов'ю потягне хтось за рукав
по-материнськи ніжно голівку погладить
звуки збивають м'які полуничні вершки
переливають їх у скляні креманки
стій зачекай я виношу сни за дужки
і розсипаю плутані букви як манку
ти мене вчиш обережно гасити мить
тихо вкладатись не роздраконивши тишу
я вимикаю вогні навшпиньки навпомацки цить
як же прискорено як ти нерівно дишеш

Гра в «класики»

у кав'ярнях моїх емоцій
замов собі каву і класику
це вже ремікс а не Моцарт
ліпить паперопластику

ліпить мене кучеряву
шіє контури ниткою
двері скрипучі картавлять
наскрізь пронизують свідками
це щоденні рентгени
це язики треновані
нами кермують гени
ми не усі підковані
ми не усі вульгарні
нас затримують порухи
тихо в моїх кав'ярнях
чути закашляні подихи
у долонях моїх емоцій
знайди собі сховок і класику
це вже ремікс а не Моцарт
ліпить паперопластику

Тисяча і одна ніч

що ти вічно оновлюєш що ти хочеш
вимкнись моя голівонько: треба спати
цифри біжать добігають до пізньої ночі
нас замикають за турнікети за ґрати
скільки того життя щоб чекати так тупо
де вона та кар'єра? на тобі пана
на тобі лампу чи на тобі дівчинко ступу
рано тобі на волю джине мій рано
де вона твоя доля? де вона ходить?
носить усяких різних однакових носить
перетасуй людей наче із карт колоду
чи поміняй житло чи стогнати досить
всім до одного місця всі твої тиски
всі твої градуси тут не можна хворіти
люди біжать на автобус наче у Плисках
люди біжать у них дома заплакані діти

ти не біжиш дороженька ти як горобчик
пурхаєш і цвірінчиш усіх утішаєш
часто тобі ввижаються дівчинка й хлопчик
їх проганяєш: до тебе приходить Каїн
хто там іще приходить проходить мимо
всіх відпусти — на щастя і на здоров'я
люди не йдуть вони поставали злими
де нам подітися джине з тією любов'ю
де нам подітися душать мене ґрати
я ж вам не лялька я ж вам не ванька-встанька
дівчинко дівчинко скільки в тобі каратів
тільки й того що маєш завищену планку
тільки й того що часом дурне знаходить
тільки й плювати ніхто все одно не бачить
скільки того життя скільки тієї вроди
дівчинка моя плаче дівчинка моя скаче

Алергія

коли не стукаєш нікого не чекаєш
під стук коліс на протягах вагонів
донесхочу нап'єшся кави й чаю
награєшся мобільним телефоном
розплющиш занавіски по-новому
примружишся щоб наростало сяйво
на фото в двадцяти п'яти альбомах
когось не вистачить хоча й не буде зайвих
у горлі стануть довгі одиниці
а чай скінчиться — нічим запивати
всередині прокинеться левиця
а потяг мчатиме як глухуватий
коли коли замовкне істерія
кого ще попросити пошаманить
і чим угомонити алергію
коли сама собі по барабану?

Дежавю

то не почуття
то наші натоптані звички
і збиті підосви на розпашілих асфальтах
бурлить із-під шкіри
кипить у судинах річка
я зводжу мости а зводяться ігри і жарти
то очі в очах
таке відбувають екрани
відбудемо й ми якщо переб'ємось до енду
волові серця
наростуть і раптово не стануть
попросять бродячий сюжет у безплатну оренду
то випуклий час
наповнює нами кишені
записує дикі рядки любовних романів
гущею кави
ворожить на очі зелені
і перебирає клавіші фортепіано
любові нема
є до крові стиснуті губи
є купа гачків які тримають повітря
і купа людей
вони заговорюють зуби
сідають на голову лізуть незвано у титри
то не пустота
то затягнений відпочинок
чи спроба набрати форму набрати швидкість
без фанатизму
не спи не пропускай зупинок
звідки я тебе знаю скажи мені звідки?

Владислав Петренко

Україна

* * *

Це було давно,
ще до народження всесвіту,
випробовуючи метод склянки,
хтось перевернув темноту, заливши нею світ.
І тепер, апелюючи до Христа, Магомета, Будди,
богів Еллади,
старих і нових пророків,
постіндустріальна людина,
зриваючи полотна Левітана, Рєпіна, Рубенса,
«возвеличує» своїх героїв —
пише на голій стіні голу дівку
у непристойній позі.

* * *

Імпресіоністична картина.
Море ховає секрети,
як той хлопець, що грав блюз,
і рахував квіти на твоєму платті.
Він казав, що мине час,
і хтось витягне цеглину з повітряних замків.
І тоді буде сумно,
і тоді запали свічку,
відпусти сум і бентегу,
і навчися відпускати, прощати, терпіти...
Бо життя — то чекання, терпіння і сплін.

Осінь глибоко втручається в наше життя.
Одягай светра взимку — буде тепліше.

* * *

Коли гітарні перебори лилися піснями,
а ми любили путівці та гірські дороги,
тоді зорі здавалися ближчими,
вода прозорішою,
думки чистішими,
і свобода була поняттям простим і легким.
Ми проголошували, не зважаючи на умови, кордони
і перепони...

Заплющую очі.
Намагаюсь дотягтися до зірки.
Запалюю. Одна за одною.
Падаю недопалком у траву.
І горять ліси батьківщини в хіпівських революціях.

* * *

Як розказати дітям про смерть,
як розказати про Бога,
як розказати їм чому сонце блищить на небі,
чому воно синє, а річка розливається на весні,
а зимою покривається льодом.
Чому одних людей накривають янголи чорним покривалом,
а інших Божим,
чому в нього є палиця і є квітка.
Чому від води яку ми п'ємо і яка дає життя,
яким ми вмиваємося у ранці вдень у вечорі,
тхне болотом і тиною .
Зрештою діти стають дорослими,
і їдять з однієї каструлі,

виросшують на великих плантаціях нових дітей,
і всі вони гинуть на війні,
бо не можуть нічого пояснити навіть собі,
а брехати не чемно,
тому для них завжди знайдеться Божа палиця.

* * *

Інколи минуле хочеться тримати під серцем,
як зірку,
спійману на гачок маленького бога.

* * *

Ти не маєш звички довіряти людям.
Ти не маєш звички довіряти словам.
Проте любиш палити спочатку на цьому,
потім на тому даху.
І любиш фотографувати людей,
зазирати їм в очі.
Світлини твоєї смерті виходять надто живі,
бо час зупинився за обрієм,
де чайка помахом крила
розсовує кордони світу.

* * *

Ти віриш, сестро моя, у новий світ?
У нового пророка, який тупцяє на одному місці,
поки не витопче всієї трави?
Лягай поруч, слухай, як серцебиття зростається із
мільйонами,
як дрижить земля, вивергаючи розпечену лаву.

Ріж, творець, свою картину, ріж її!
Відчуй наш біль, як свій,
адже ми — ненароджена порожнина.

* * *

Ось — хрест,
кам'яний хрест —
нам удвох тепер його нести.
А ми не в змозі іти далі.
Що не кажи, а було нам гарно
одягатись по весні в шкіру тіла
і гуляти між дубів і в'язів.
Ловити руками рибу.
Ковтати сонце, аби з середини воно нам гріло.
Все минулось, як чудесна мара.
Загубилось в тумані.
Посіріла одежа, і грубішою стала шкіра.
Ми тепер прикуті до хреста.
Покарані за зухвалість.
Відтепер на межі добра і зла.

* * *

І
Тут замерзають річки удвічі швидше.
Тут снігом засипає будинки —
і тепер ні ввійти, ні вийти.
Полонені сидять тихо.
За вікном завірюха.
Солдат запалює цигарку.
Дитина починає плакати.
Мати пошепки просить його припинити.
Та — байдуже...

2

Будівельник заґратовує вікна.
Їх ламає маленький хлопчик,
усіма покинутий і забутий
у будинку без опалення,
на північній частині світу,
і, висунувшись із вікна,
він розсовує снігові хмари.

Оксана Пухонська

Україна

* * *

Самотнього вечора голі сліди
На тінях дерев, перелюднених вулиць.
Так ніжно рука до півспогаду тулиться,
Так тепло рука до півспогаду тулиться,
Немов до молитви во ім'я води,
Що десь незбагненні колеса Сансари
Все крутить, і крутить, і меле наш час.
Засвітиться в небі важкою сигарою
Чиясь догоріла у тінях свіча.
І осінь за осінню, весни за веснами
Літуємо юні з цим світом удвох,
Аж поки минулим, немов перевеслами,
Пов'яже нас, вкотре народжений, Бог.
Красивого вечора гола печаль...
По тінях дерев, перелюднених вулиць
Так ніжно рука до півспогаду тулиться,
Так тепло рука до півспогаду тулиться,
Немов до його... Плеча.

* * *

Дорожче миті — усмішка в очах,
Самотнє слово, сказане не всує.
Чиясь долоня півтепла відчує,
Торкнувшись ненароком до плеча.
І шлях за шляхом — Цілого життя

Не вистачить побачити велике:
Чиюсь любов шалену і столику,
Чиюсь печаль в тремких серцебиттях.
Отак по колу світ собі іде,
Аж поки мить зупиниться навіки
В очах глибоких жінки й чоловіка,
Що заново покинуть свій Едем.

* * *

Беріть її за руки і ведіть
У храм, де неосвячено світають
Зеленим лоном лану, молочаєм,
Наперстком літа тисячі століть.
Беріть її по проскурці, До дна,
Вона іще відродиться з весною...
Великою, осінньою, простою —
У гіркоті причасного вина.
Беріть її на вогнище й на щем.
Мізерність сліз Любові не увічніть.
Вона була, і буде, певно, ще
Остання Ваша, Данте, Беатріче.

* * *

Кроки... На брук історії падає сніг...
Ні, Ці кроки ведуть у НІКУДИ...
Юдою Стане найближчий друг,
А люди Підуть по обочині.
І до розп'яття
Залишиться кілька вічностей.
Свічі Німих ліхтарів
Зіллються в хрестатий вечір,
Десь там за вікном...

Но-но! Не вдавайся у крайність.
Тайна Самотності
Надто велика,
Аби просльозитись.
Безликі будинки сліпими очима
Вдивляються в душу...
Ти мусиш робити ці кроки,
Аби не спинятися.
Голгофа надій виростає вже за поворотом.
І хто ти... Це знає лиш сніг,
Що сиплеться тихо на брук історій.
Доки чийсь незвіданий дотик,
Що легко зупинить
Твою невгамовність...
І не запече... «СТОП!»
Ляже долонею, а не хрестом
На твоє Плече.

* * *

Вростаєш шаленим вітром
у висохлий лист акацій...
Немає на себе ради
Пером по білому аркуші.
Життя — то не тільки спогади —
Висока надпровокація
Того, що чекати в просторі,
Того, що робити завтра ще.
І гне до землі ілюзії
Столітнім надтріслим деревом.
Твою монолітну відданість
Вагітність буремних днів.
Пером по білому аркуші
І вже виростає марево
Маленького світу світлого

На серця самому дні.
І тільки тремтить над бурею
Незламаний лист акації.
Впізнаєш у ньому дівчинку
Вчорашню таку до сліз.
І ти ніби вже давно не ти...
Лише ота провокація.
Вростаєш шаленим вітром
У кроки життя малі.

Марина Саматова

Российская Федерация

* * *

А.Н.

Вечером зимним, во мраке метели,
Тускло белеют декабрьские строчки.
Так давай же расскажем о нашей встрече,
Не поставив во старой истории точку.

Быть услышанным — кажется проще простого.
А на деле — задача сложнее сложного.
Но.. строго, едва мне знакомым голосом,
Было сказано: «Нет ничего невозможного»

Потекли торопливо из радио звуки.
Заплескался кофе на дне стакана.
Обретение — лучше постылой скуки.
А с тобою ее как и не бывало.

Совет — в снисходительно-ласковом тоне.
Веселые споры ночами и днями.
Счастливое лето — ты только вспомни.
И не забывай. Никогда. Обещай мне.

Теперь открывать «записную книжку»,
Стихами цветной монитор дробящую,
Становится грустно. Видно, слишком
Похожи они на тебя. Настоящего.

Издалека будто слышу слова:
«Не плачь. Не грусти. Темноты не бойся.

Если что — зови. Я — рядом. Всегда.
Засыпай. Скорее . .. И.. Не беспокойся.»

До сих пор не написаны наши письма.
Легким грузом ложатся на наши плечи.. .
Они — наши невоплощенные мысли.
Остается додумать их этим вечером.

Жизни отрывки ложатся на лист,
Заливая пространство рассеянным светом.
Только он все равно остается — чист.
Не храня отголоски последнего лета.

Свеча

Светило с полями заснеженными
Вечерний ведет разговор.
Солнца луч, между льдинок подвешенный,
Переливами радует взор.

Каждый день до безумия короток —
Догорающая свеча.
Непонятно-бессмысленны, хлопоты
Закружат меня в мелочах.

Возвратись ко мне светлой улыбкой,
Сбежавшей нечаянно с уст.
Как весна — затуманенной дымкой.
Нежным духом — сиреневый куст.

Я узнаю тебя, без сомнений,
Сквозь привычный полет минут.
Лик, соткавшийся из мгновений,
Согревающий мягко уют.

Взгляд — упрямый и чуть растерянный.
Тороплив поворот плеча.
Шаг — нарочито твердый, уверенный.
Лик — чуть вспыхнувшая свеча.

Дорога

Как словами мне выразить этот блуждающий взгляд,
Устремленный в томительный сумрак твоей вселенной?
Лицо написать бы с усмешками невпопад,
Над своими ошибками или же просто нервными.

Синий провод наушников. В дышащей тихо груди
Разливается песня. Со вздохом выходит наружу.
В этот раз ненадолго совсем нам с тобой по пути.
Не хотелось бы звонкую тишь разговором нарушить.

Впрочем... нас ведь никто не услышит. Стучат колеса
Электричек, взрывающих шумом прозрачную даль.
Над нами шагами мерят асфальта полосы.
Безжалостней, солнце, и яростней их раскаляй.

Привычной улыбка, а ты мне еще роднее.
И лестниц еще бесконечнее ровный взлет.
А вдруг человечье сердце еще вернее,
Чем птиц поднебесных вольнее свободный полет?

Под столбиком света послушно дробится стекло,
Отражая нечетко взволнованно сжатые руки.
Ускользнуло сплетение мыслей в чужое окно,
По дороге в пространство роняя чудесные звуки.

Намекает свеченьем в глаза заходящее солнце,
Что пора нам, уставшим странникам, в мирный дом.
Сквозь дождь мелькают небрежно дорожные кольца.
Соглашаются с ним, произносят: «Пора!» Мы — идем.

Утро

Горит цепочка фонарей —
Нить электрических жемчужин.
По переулкам сеть теней,
Но город суетой разбужен.

Покой зеркал, покой витрин
Тревожат смутно отраженья.
И фабрик смугло-серый дым
Уж полон скрытого движенья.

Входных дверей ленивый скрип
Прохожему уж режет уши.
К тропинке звук шагов притик,
С тревогой заставляя слушать

Возникшие из пустоты
Шум поездов и чей-то шепот .
Автомобиль, грузовики
И по мосту колес их грохот.

И буду скоро я спешить,
Петляя в узких переулках .
Так город весь стремится жить,
Встречая суетное утро

Иван Купала

Костер на искре выжжет имя,
Осветит искрой мой венок.
А лес тревожный шум подымет,
Травой разляжется у ног.

Семь трав заплетены неровно.
В цветах запутанная прядь

Вдруг вырвется и непокорно
Закроет мне лицо опять.

Венок плывет во тьме прибрежной,
Качает зыбь его легко.
Река засеребрится нежно,
Зеленое скрывая дно.

И вместе с ним мое желанье
Кружит с кувшинкой по реке.
Как листьев первых опаданье,
Как солнца луч на чердаке.

Нева

Передай от меня привет Неве
И скажи — обязательно к ней приду.
Может, всплеском веселым ответит тебе.
Или пением птиц в прибережном саду.

Пусть покажет тебе отраженья дворцов,
Ты пройдешь гулкой поступью у воды.
В старинных дверях тихо скрипнет засов,
Над рекою застелется облачный дым...

Попроси рассказать ее обо всех,
Что смотрелись задумчиво в темный лик.
Чей серебряный разливался смех,
превратившийся в солнечный блик.

Анна Скорик

Украина

Осенний лес

Я пройду по осеннему лесу,
Где воздух пахуч и чист.
Как-будто не шорох, а песню
Слога упавший лист.
И каждый мой шаг с замираньем
Выслушивает земля.
Как наедине с мирозданьем
Находится лес и я.
А где-то вдали — кукушка,
И дятел врачует лес.
Здесь каждой сосны верхушка
Не может достать небес.
И елок пушистые лапы,
И каждый клиноватый куст
Цепляют пальто: «Куда ты?»
А я и не тороплюсь!
Вдыхаю прохладу и свежесть,
Соломинкой воздух пью.
И этих мгновений прелесть
С изысканностью ловлю.

Чем пахнет хлеб

«Чем пахнет хлеб?» — спросил я деда.
«О! Неожиданный вопрос!
Как быстро ты, внучек, подрос!

А знаешь ты, чем пахнет небо?»
«При чем тут небо? — я — ему,
И корочку в руке сжимаю, —
Чем пахнет небо, — я не знаю,
И хлеб чем пахнет — не пойму!»
«Как много, милый мой, труда,
И даже целое искусство
Его испечь красивым, вкусным!
Главой всему хлеб был всегда!
Он пахнет медом, ветерком,
Парным коровьим молоком,
Землей, росой он пахнет, лугом,
Трудом, добром, руками, плугом;
В нем — тонкий аромат лесной;
Он пахнет раннею весной,
Травой душистой, небом, стогом, —
Хлеб пахнет жизнью, пахнет Богом...»
Хлеб пахнет Богом!

* * *

Где-то дремлют плачущие ивы,
И неторопливо сыплет снег.
Помнишь ли весной Невы разливы,
И проворный безуданный бег?
Помнишь ли закаты и восходы,
И подснежник первый на окне?
Помнишь ли веселые аккорды,
Те, что ты всегда играла мне?
В старой доброй песне отзовется
Чистый и лазурный небосвод,
Лучик удивительного солнца,
Что с тех пор в твоих глазах живет.
Нет, ничто не может позабыться,
Пусть проходят тысячи недель.

Пусть крылом в окно стучится птица,
Пусть журчат ручьи, звенит капель,
Чтобы доносился отовсюду,
Звонкий беззаботный детский смех,
И хотелось снова верить в чудо!
Чтоб как в детстве: ты — счастливей всех!..
Помни, умоляю! Помни это!,
Молодость души своей храня,
(Нежностью была б она согрета)
И прошу: не забывай меня...

Сестрёнка

Вчера родители ходили в магазин.
Они купили мне совсем не апельсин.
Не шоколадку, или колбасу-варенку.
А настоящую преновую сестренку.
Нет у нее пока зубов, косичек нету.
Она в пеленки-распашонки вся одета,
Ее никак еще пока что не зовут,
Ей целый день лишь колыбельные поют.
Я поиграть хотела с ней — не разрешили.
Сестренку в детскую кроватку положили.
Она почти весь день спала,
У мамы молоко пила.
Хоть ничего не ела — ничуть не похудела!
А мне обидно. Ведь меня-то не спросили!
Я б выбрать маме помогла бы по-красивей!
Родители смеются надо мной:
«Вы так похожи с маленькой сестрой!..
Но, мама, папа! Я ж не виновата,
Что не сестру совсем хотела я, а брата!

Про паука

А у нашего камина
Сплёл большую паутину
Маленький паук.
У него аж восемь лапок,
А на лапках нету тапок, —
Нет ни ног, ни рук.
Как же так он умудрился?
Ведь нигде он не учился
Прядево плести.
Мама стёрла пыль с камина,
Порвала всю паутину.
Паучок, прости!

Андрій Тіток

Україна

Вона

Вона не замикає за собою двері,
І розчиняється разом з дощами,
Вона гуляє в осінньому сквері,
Вона приваблива — аж до нестями,
Вона блукає осінніми стежками,
В її кишенях — сигарети і музика,
Вона пишається своїми сережками,
Що більше схожі на гудзики,
Вона живе на сусідній вулиці,
Трішечки ближче до сонця, ніж треба,
Промінчики сонця до неї туляться,
Цілюючи очі кольору неба,
Цілюючи зранку ліфти і сходинки,
Цілюючи землю, що вимокла за ніч,
Цілюючи руки, плечі і родимки,
Цілюючи груди (тільки віч-на-віч!),
І я так хотів би стати промінням,
Щоби так само тебе цілувати,
Бути волосся твого корінням,
Щоб знати тебе і твої аромати,
Бути для тебе дуже інтимним,
Бути твоїх почуттів запальничкою,
Літньою спекою, холодом зимним,
Бути єдиною згубною звичкою

Ніколи

Час, що проходив тонкою ниткою,
Крізь наше життя й потойбічні мандри,
Що різав нас, наче горло візиткою,
Співав нам пісень про кінотеатри,
Робив нас залежними від алкоголю,
Міцною травою труїв нам легені,
Послухай, друже, нам вистачить волі,
Не розмінюйтесь на вічнозелені,
Будемо йти складною дорогою,
Шукаючи щастя під жіночими блузами,
Вмиватися зранку морською вологою,
Що пахне вечірнім дощем і медузами,
Блукаючи серед похмурих кварталів,
І спальних районів старої столиці,
Минаючи пагорби і п'єдестали,
Автовокзалів і залізниці, ...
В не випитій каві — терпке вино,
Холодна сутінь і старі приколи,
Людина живе, доки не все одно,
Тож ми не помрем, чуєш? Ніколи.

Про що мовчить осінь

Я прокинуся рівно о восьмій,
Розпакую від тебе конверти,
Прочитаю, про що мовчить осінь,
Що чекати — значить померти,
Затягнуся до хрипу в легенях,
Напишу, щоби ти могла знати,
Єдине, у чому я впевнений,
Це у часі, що не наздогнати.

Я живу

Я живу, у місті, що б'ється в осінній агонії,
Календарних листах, які відраховують вічність,
Без жодного натяку, жодної крихти самоіронії,
Серед людей, які так чи інакше до мене дотичні,
я живу, не завжди і всюди доречно,
Видихаючи з димом життєві хвилини,
Безвихідно і так само приречено,
Як циркулює кров по судинах,
я живу, перетираю у порох літери,
Аби потім із них з'явилась поезія,
Холодна, з дощем, немов би циклони у Пітері,
Траурна, наче найтяжча процесія,
я живу, мені обіцяють уявний спокій,
Стабільне життя, зваживши те, що я і так на колінах,
Серед мільйонів таких як я копій,
В цій Богом дарованій і ним же забутій країні.

Так починається осінь

Так починається осінь,
Я впізнаю її почерк,
Коли ночі тихше, а дні коротші,
Серце потроху дощем заливає,
Коли не бажаєш нових відносин,
Так починається осінь, з першими светрами,
Літрами кави, контактами стертими,
Вогнем сигарет, запалених з фільтру,
Холодом думки, подихом вітру,
Так починається осінь, разом з снами у потязі,
Пошук себе (у постійному пошуці),
Коли не знаходиш на все причини,
Коли відчуваєш, що в чомусь ти винен.

Так починається осінь,
Зникають рими.

Спомини

Всі наші спомини,
Роблять нас невагомими,
Вичавлюють воду,
Лишають опіки,
Всі наші спомини — про втрачену цноту,
Втрачену віру і прийняті допінги,
Всі наші спомини,
Роблять нас невагомими,
Давлять на груди,
Віддача у серце,
Всі наші спомини — торішня застуда,
Надії на те, що все ще минеться,
Всі наші спомини — маршрути міграцій,
Штрих-коди й повітря димом наповнене,
Простір і час, морок прострацій,
Ночі що будуть колись змістовними,
Де кожен із споминів!
Коли не вб'є,
Зробить нас невагомими.

За ее глаза

Веришь, Эрих, Все эти леди,
Их волосы с запахом солнца и прерий,
Глаза цвета бренди,
Они холоднее пролива Беринга,
Я не открою Америку,
Да и они знают честь,
Уходят без 15ти шесть, Не закатывают истерик,

И веришь, Эрих, Их плечи острее, чем скальпель,
Они в клубе анонимных одиночеств,
Из них не выдавишь последнюю каплю,
Каждая знает, чего она хочет,
Они похожи на зал ожидания,
В них каждый может приютиться,
Они ненавидят воспоминания,
Они забывают все, что может присниться,
Они исчезают среди улиц артерий,
Среди ржавых мостов и метро паутин,
И лишь одна уйдет, оставив после себя тени,
Вспоминая тебя до седины,
И знаешь, Эрих,
О ней не напишет ни один журнал,
Она не прекраснее ветки сирени,
У тебя еще будут миллионы сомнений,
Прежде, чем поцелуешь ее ладони,
И поймешь, что не достоин..
Ее достоин лишь вокзал,
И мир, что отдашь, за ее глаза.

Светлана Федорова

Украина, Чехия

* * *

Не надо ждать весну. Но сердца ритм замедли
И в землю загляни, где кости без могил.
Был тридцать третий год. И голод шел победный.
И тяжело длился день, и горек воздух был.
Нам доля веселей, мы выросли без муки,
Мы выкормлены впрок на масле и сдобе.
Но в скорбном феврале так жалко тянут руки
Деревья вдоль дорог в прозрачной худобе.
Поля белы как свет. В ладонях Украины
Блаженны, видит Бог, отшедшие ко сну.
Помилованных нет. Казненные невинны.
Им снег на веки лег. Не надо ждать весну.

* * *

Между печалью и ничем
Я выбрала ничто.
Налил небесный казначей
Мне воду в решето.
Кто вырвался из всех сетей —
Ни раб, ни господин.
Есть к наслажденью тьма путей,
К свободе есть один...
Я отвергаю жар в груди
И радостную дрожь,
Я бы хотела в смерть войти,

Как в масло входит нож.
Мой рай — свинцовая вода,
И небо возле глаз.
Зачем брать лишнее, когда
Вам слышен Божий глас?
А там, где след речных ужей —
Нетронутая гладь
И час пришел, когда уже
Не надо выбирать.

* * *

Як серце дзвоником зупиня!
Я напинаюсь як жабеня,
Ковтаю марево і туман,
Коли ти дзвониш, мене нема.
З самого ранку — як у Кремлі,
Коли вже в трубці забракне слів?
І ворущаться чийсь роти:
Коли ти дзвониш, то це не ти.
Коли ти дзвониш, старі синці
Знов проступають по тій руці,
Яка намагає телефон.
Коли ти дзвониш — це ніби сон!
Чи ти поснідав, а чи не встиг?
Всі царства світу — мені до ніг.
А зникнуть чари — й твоя брехня
Мене розчавить, як жабеня.

* * *

Набридла любов, як рожевий зефір.
Ти більше не зайдеш, не вийдеш в ефір.
Тверезою надто, бридкою, сумною

Твоя досконалість вдавилася мною.
Та все це на краще, і все до пуття —
Без тебе навчусь смакувати життя!
І жадібно їсти, й сміятися жартам,
І спробую все те що варто й не варто.
Я гордою буду, як профіль з монети...
Та якось, на вулиці стрінеш мене ти
І схилить додолу, й коліна зігне
І крихти зі столу наситять мене.

* * *

О город мой, из всех земных чистилищ
Мне колыбелью выбрали тебя.
Впитать весь яд способен только ты лишь,
В себе мою гордыню погребя.
О город-тень, с улыбкой полудоброй,
Всегда скорее болен чем здоров,
Он вам в метро ощупывает ребра —
Настойчивость влюбленных и воров.
Но если вдруг — и больно, и смешно,
Но если враз — и режет, и щекочет,
И это сердце отделиться хочет,
Раз это тело мучиться должно,
О город мой! Я знаю, ты не враг...
Но все слова — как мертвому припарки,
Когда любовь имеет вкус заварки,
И потому ты нем как саркофаг.
И потому длинны твои дороги,
Что каждый день в горячечном бреде
По кругу я переставляю ноги,
А может, просто к вечности иду...

* * *

Ни удивленью, ни тоске
Не тронуть лба случайной складкой,
Но как же мне, до счастья падкой,
Пройти над морем по доске?..
Пройти над счастьем — не упасть.
Моей доски остов не прочен,
Корда безумье режет очи
И море отверзает пасть!
А лучше, если страх скует —
И чтобы никуда не деться!
Я отвращать лицо свое
От красоты — училась с детства.
Вот так, без мыслей о тебе,
С тобой простясь навек, в другую,
В другую сторону иду я,
Пошатываясь при ходьбе...

Елена Шелкова

Украина

Есть ли жизнь на Марсе?

Помидоры — крохотные Марсы.
Семь рублей за килограмм планет.
Ешь планету, кроха, улыбайся,
Кутайся в китайский синий плед.
Я рождён запойным фантазёром,
И наедине с собою, брат,
Я учился резать помидоры,
Спички не жалеть, когда горят.
А когда я был особо «весел»,
Кроха бегал, требуя ответ:
— Есть ли жизнь на Марсе? Есть ли? Есть ли?
Есть ли смерть на Марсе или нет?
Помидоры цвета революций
Жались к тыквам, брюквам и стене.
Их везли из Сирии, Из Турций —
Распродажа раненых планет.
Ешь планету, кроха, и не кайся.
Ты поймёшь, что жалость — это бред.
Я не знаю, есть ли жизнь на Марсе,
На Земле сегодня жизни нет.

* * *

А клоун в буфете печален, не весел
И нос накладной над тарелкой повесил.
Артисты носы за ареной не носят,

Зачем же остался, остался ты с носом?
Ведь жил ты спокойно, легко, безопасно,
Зачем ты сбежал из картины Пикассо?
Ну, мухи садились и люди глазели,
Но это не повод сбегать из музея!
И знают лишь зимние окна-балконы
Как душно дышать сквозь слои поролона,
Как страшно в любовный колодец кидаться,
Ведь нос, он мешает тебе целоваться!
Планета не станет светлее вертеться
От шарика цвета безмозглого сердца.
Здесь столько безносых, что нюхают розы,
А станешь собой — и останешься с носом.
Но всё же, под вечер, как звёзды, мерцаю,
У чудиков нежных носы зацветают.
Я грустно живу, я сказать не умею,
Но мне от носов этих красных теплее...

А Вам?

Художник попадает в рай,
Но там за это вечно пашет.
Смотри, где неба самый край
Цветёт сиреневая башня.
Работы долги и грубы:
Художник сам, без посторонних
Обязан линии судьбы
Чертить на будущих ладонях.
И нам с тобою повезло,
Водоворот людей, интрижек:
Нам сумасбродный Пикассо
Дороги на ладонях выжег.
Любимый, к Вам придёт почёт,
Вам быть талантливым и чистым.
Цыганка руку не прочтёт,

Ведь это холст сюрреалиста.
Вам не любить меня сто лет,
Не выбирать одну из женщин:
Когда рождается поэт
Становится на счастье меньше.
Что будет с нами там, в дали?
Но, зная рук твоих эскизы
Я буду не любить Дали
Потом, потом — в грядущей жизни.

Монолог погибшего солдата

...А в апреле мне было б уже девяносто.
Я ругал бы правительство, пил «на коня».
И мальчишки, смешные, не верили б просто,
Что на фото солдат — это я, это я.
И, наверное, в книгах и скуке мой дом был,
Я за льготой на праздник стоял бы три дня...
Только злая планета по имени Бомба,
Чтоб не гибнуть одной, забрала и меня.
Видишь, та, что аллеями с палочкой бродит
И несёт фронтовые мои письма...
Мы бы сорок пять лет уже были в разводе,
Но я умер. И ты мне осталась верна.
Я не знал бы компьютера. Резался в шашки.
И ругались бы дети: «Ты снова спишь, батя!»
А я знал, что такое Любить, и ромашки
Безрассудно на поле, на минном срывать!
Только некому было поведать о том бы.
Я бы жизнь доживал, никого не виня.
Хорошо, что планета по имени Бомба,
Всё предвидя, тогда пожалела меня.

Поезд

Странники со странностями. В страны
Чёрт их и кондуктор вновь понёс.
Поезда, я знаю — наркоманы.
Поезда не могут без колёс.
В знойный день и в лютые морозы
Поезд мчится — в город, в море, в лес.
И живут под кайфом паровозы,
От того так часто сходят с рельс.
Скорость увеличивая, дозы
Поезд по дороге всё сметал.
От чего так любят эти розы
Расцветать на рельсах, между шпал?
Он тебя проехал, не заметив,
Он тебе ни стука не сказал.
Но о чём ты думал, семицветик
Поезду глядя во все глаза?
Что мы ищем, сердце рвя на части?
Мы найдём покой, нам повезёт.
Только не меняет адрес счастье,
Счастье там, где нынче горизонт.
Я лечу, вовек не успокоюсь,
Здесь не те, а там не то, не то...
Я прекрасный сумасшедший поезд
...за которым не бежит никто.

Стих потерянного человека

Случайные встречи ложились на полку.
Прощальные взгляды бомбили планету.
Непросто, непросто найти незнакомку,
Когда от знакомых спасения нету!
Когда вся планета — сплошное болото,
Когда вся планета — шестая палата,

А рядом всё время какой-нибудь кто-то,
Кого я не знаю, кого мне не надо.
И осень всё ближе — падение яблок.
У сердца всё меньше цветущих Испаний.
Но хочется верить, что в чём-то и я — Блок,
И я незнакомку найду в ресторане.
А мир, он прекрасен. Но как надоело
Кого-то искать, от кого-то теряться.
А ливень всё рвался на мокрое дело
Бежал, как жених от невесты из ЗАГСа!
Бежали вокзалы, причалы и пристань,
Как жить пацанами, забыли мужчины...
И осень, и осень — импрессионистка
Всё чаще и чаще рисует морщины.
Ночами звонят мне и Верка, и Томка,
А я домовитый, но страшно бездомный
Опять убегая искать незнакомку,
Чтоб сделать её безнадежно знакомой...

ВІТАННЯ ЧЕРЕЗ ПОКОЛІННЯ

твори членів журі Конкурсу

ПРИВІТСТВИЄ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЄННЄ

произведения членов жюри Конкурса

Віктор Бойко

Україна

З миттєвостей

Зустрінеш на розі двох вулиць
або в обнадійливих чергах
обличчя, котрі вже забулись,
і погляді, й жести померлих...

Рвонеш, як в недільному лісі, —
догнать, передати привіти,
і вклякнеш зненацька на місті:
себе серед них запримітив...

Из мгноvenий

Увидишь на стыке двух улиц
в маршрутах трамвайных и пеших
те лица, что словно вернулись,
и взгляды, и жесты ушедших.

Рванёшь к ним с приветом и вестью
по зебре, по рельсам трамвая.
И вдруг занемеешь на месте,
себя среди них узнавая.

* * *

Так досить часом крихітки тепла
бодай у слові проміж фраз квітчастих,
щоб ти світився крізь мороз од щастя,
мов білка біля нового дупла.

Грудневий день.
Здається, двадцять п'ятий.
Стоїш, неначе зрубана сосна,
що вже для буднів одійшла вона,
та не вдалася кроною до свята...

* * *

Порой хватает крохотки тепла
хотя бы в многословье фраз цветастых,
чтоб ты светился сквозь мороз от счастья,
как белка возле полного дупла.

Декабрьский день.
Как будто двадцать пятый.
И в нём стоишь ты — срубленной сосной,
ещё зелёной и вполне живой,
но с кроною непраздничной, примятой...

* * *

Гуркочуть тягачі (армійській колір хакі),
і падає стіна по-людські горілиць.
В сусідньому дворі погавкує собака
не зовсім по-міському, як з голоду колись.

Динамік на стовпі останні мовить вісті.
І всім навкруг оце давно не в новину.
Ще одне село знесли, бо тісно місту,
я думав — знову фільм знімають про війну...

* * *

Грохочут тягачи (в армейском цвете хаки),
и падает стена на спину, вверх лицом.
И лают из двора соседнего собаки
с негородской совсем, голодной хрипотцой.

Динамик со столба о новостях вещает.
Грохочут тягачи, и всем не в новизну,
что сносят вновь село, что город насаждает.
А я подумал — фильм снимают про войну...

Перевёл с українського
Сергей Шелковий

* * *

Ще такий між інших днів люблю,
коли, сховавшись від турбот щоденних,
пишу, неначе зайчиків ловлю —
усі вони найсонячніші в мене.

І кожен прагне вирвати з пільми
то профіль чийсь, то дим, то дальній берег —
устигни лиш — до серця все візьми,
а найдорожче поверни паперу...

* * *

Коли біжиш за поїздом услід,
зростає швидкість, і зростає відстань.
а ти не хочеш вірити у відступ,
а шпал попереду, як виправдальних слів.

І все таки сповільнюєш свій біг,
спиняєшся і вже назад крокуєш.
Земля ж — вона, яка не є, а куля!
Ти біг, виходить, в протилежний бік.

Красимир Георгиев

Болгария

От другата страна на реката

Пригответи се за краткото плаване
към спокойния бряг на забравата.
Ще усетиш космическа радост
и ще напуснеш тялото си.

С живота си човек може да спори,
но със смъртта не се преговаря.
Нужни са само мъничко болка
и две монети за лодкаря.

На другой стороне реки

Приготовься к короткому плаванью
в безмятежность, в забвения край.
На челне над космической гаванью
понесётся душа твоя в рай.

Спор со смертью — занятие пустое,
да, похоже, и времени нет.
Ни забот, ни кредитки с собою
не бери в измеренье иное,
лишь гребцу — пару медных монет.

Перевёл с болгарского
Сергей Шелковый

Откъс от поемата „Последният българин”

България — тази гъста гора, тази мътна река, тази стара къща,
порутена барикада, разделяща рая и ада, проядено от
времето евангелие,
цял живот вървим към теб, но всъщност цял живот от теб се
връщаме,
от едната страна сме ние, грешниците, от другата страна са
ангелите,
от едната страна сме ние, сивите граждани, от другата е
върхушката.
Ние сме мършата, те са лешоядите, ние сме миналото, те са
бъдното.
Големият път води поне до две селища, а нашият път тръгва
от тях и до тях свършва,
нашият път свързва два свята — този и отвъдния.

Отрывок из поэмы «Последний болгарин»

О, Болгария — горы в лесах, кипень рек, белых хаток
соцветия.
Груз руин над добром и над злом. В язвах — Книга спасения.
Рвусь всей жизнью к тебе, но дороги — длинней, чем
столетия.
Половина души нашей — свет, а вторая — и грех, и смятение.
Вот мы, дети заветной земли, а над нами —
мутанты-правители,
круг стервятников в жажде пожив. И всё щерятся
бесы прошлого в очи грядущему. Лику Спасителя
об Отчизне молюсь. И по вере, по вере — отмерится...

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковый*

60-годишен на дискотека

Някакъв афиш ме води в храма на тънките прашки.
Нямам представа що за хора се молят в този храм
и що за птици се въдят в този храм,
но не питам и влизам юнашки;
знам, че едва ли ще ме изпъдят.
Оглеждам се в нечии устни, после пия от устните
и ме залюлява люлката на ритъма.
Ето,
тийнейджърките ме качват на крилете си
и се издигат над дансинга.
Всемирът около мен пулсира.
Вали страст на кристали,
гърча се под водопада и ме обтичат
най-хубавите гърди на най-палавите момичета.
Прелитаме над дансинга,
пияни от светлини, звуци и движения.
Почерняло ли е среброто в косите ми?

60-летний на дискотеке

Звала неоном яркая реклама
На дискотеку... Детская забава!
Влеки меня к неведомому храму,
Беспечности душевная отравка!
Движенья рук, волос девичьих струи,
Игра теней на свежей гладкой коже,
Порханье с губ на губы поцелуев
Я чувствовал, ни ждан никем, ни прошен...
Мельканье тел — прекрасных, жарких, юных,
Под бликами магических кристаллов...
В водоворот чужих страстей безумных
Меня влечение, закружив, бросало.
Волшебный вечер сжался до мгновенья.

Казалось мне, что я летал над залом,
Хмельной от света, звука и движенья...
Чёрнёным серебро висков не стало...

Перевела с болгарского

Марина Барцевская

Олег Комков

Российская Федерация

Бетховену

Безумие постиг ты рано. Бредил ветер
в хрипящем сумраке надтреснутых пространств,
которые тебя исторгли. Звезд дыханье
ты осязал, как некий бог, бессмертной дрожью,
неведомой иным созданьям, что питают
сердечной муки плоть коловращеньем сфер.
К тебе взывала тьма — свечи порывом дробным,
как будто тщила изваять в священном танце
свою слепую тень. Сама судьба надсадно
стучалась в дверь. Один, в сквозящей пустоте,
ты пил немую боль отяжелевших листьев,
потухших всполохов, иссякнувших раскатов,
суставы погрузив в податливую кость.
Пылал поблекший лак, и колебались жилы,
подвздошным гулом наполняя небеса, —
и, ширя естество прерывистого мира,
как истомившийся по безднам жадный шквал,
в распаханную тишь бесстрастного эфира
вонзалась музыка... Ее ты забывал
в бессильном, вязком сне, от тлеющих заклятий
избавленный. Ты спал. И в падшей вышине,
как бесприютный дух, исполненный зачатий,
истаивал вовне твой нерожденный слух.

Орфей

...И петь, немой судьбе наперекор,
На собственную тень едва взирая,
У сумеречных врат иного края,
Где гаснут хороводы бледных ор;

И, зыбким сном забывшись, вспоминать,
Как в *той* ночи, беззвучной и безлунной,
Струился голос лиры сладкострунной,
Слепую вечность обращая вспять.

Эльсинор

Истерзанные судорогой дней,
Напрасно ждём от смерти толкованья:
Мы — тени породивших нас теней
На выщербленных стенах мирозданья.

Клинок, петля, отравленный потир...
Иль нет на свете мудрости священной,
Чем знать, что искуплён сей шаткий мир
Чредой измен, проклятий и отмщений?

Что ж нам осталось? Разве видеть сны
В полночной мгле, сгустившейся до срока,
Где распахнётся вечной тишины
Бездонное, недремлющее око.

Accidia

Иссякла ночь — и снова бледный день,
Пронизанный безмолвием звенящим,
Меж былью снов и мутным настоящим
Раскидывает призрачную тень.

В листьях сокрыв болезненную лень,
Мой лавр устало притворился спящим...
Когда же вновь с тобою мы обрящем
Ветров и звёзд ласкающую сень?

И строчки падают, как лепестки
Увядших роз невидимого сада,
Бестрепетны, покорны и легки,

И слабым мановением руки
Считается прозрачная преграда,
Что сладость отделяла от тоски.

Слова

Скользит по радужной волне
Корабль в сияющем просторе,
А днище в тёмной глубине
Влачит живые тайны моря.

Так, тягостный собрав улов
Налипших истин, издалече
Плывут челны надмирных слов
Сквозь толщу человеческой речи

И вязнут, замедляя ход,
Притянутые влажной бездной.
Кто счистит нарость и вернёт
Слова их родине небесной?

* * *

Мелькнёт порою призрак лета
В просвете сна: из вьюжной мглы

Увижу зелень бересклета
И сосен мшистые стволы.

Нахлынут образы приливом:
Росы лучистая игра,
И шелест крон в лесу шумливом,
И золотые вечера,

И лунный блеск ночных излучин,
Где в сонной, стылой тишине
Лишь плеск весла да скрип уключин
Подолгу внятны были мне...

Деревья

Нести безмолвия живое бремя
всей плотью, от корней до тяжких крон,
всем существом, вырастающим во время,
природе воздвигая царский трон;

в твердых чрев хранить родное семя,
пресуществовав веков глухой урон, —
о, с твердью твердь связующее племя,
чей каждый ствол — спасающий Харон!

Ужель судеб тугие узловины,
в нарастах лет на сохнувшей коре
трудов и тел, увязших в бездне вещной, —

подобно вам, немые властелины,
сплетаясь и ветвясь, влекут горé
прозябший дар нетленности предвечной?

Весть

Для тайны надобно немного:
Печаль в безветренной ночи
И несказанная тревога
В священной немоте свечи;

И на пороге душевной яви
Прохладный шелест лёгких крыл,
Как будто сон, причастный славе,
У входа занавесь раскрыл.

Акрополь в Несебре

Немых веков немыслимая кладь
низвергнулась на град, обрушив крыши;
как зов небес, в зияющие ниши
прохладно-голубая льётся гладь.

И чутким сном почиет благодать
меж пыльных плит, ниспосланная свыше
на холм и храм, и ветер вьётся тише
над стогами, отвыкшими страдать.

Я осязаю древний жар ступеней;
фракийский полдень, схваченный в тиски
ромейскою тяжеловесной аркой,

меня влечёт, незримой соткан паркой,
и крики чаек трепетно-близки,
как отзвуки священных песнопений.

Игорь Лосиевский

Украина

В час предрассветный

— Кто там на вёслах? — Дед мой
Котя, Констин Денисыч,
и сотоварищи деда —
дед Жора и дед Володя,
светлые, пьяные тени.

Где им теперь рыбачить,
водочку пить «для сугреву»,
сказывать страшные байки
о щуке с акульей пастью,
и сомах-детоедах?

Там, на заоблачном Сейме
и на Донце небесном
в розовый час предрассветный
лодки их затерялись.
По берегам, где травы
легче лебяжьего пуха,
спрятались их палатки.
Уголья гаснут костров.
Утро.

* * *

Природа — своенравный зверь,
то ящерка она, то ящер,

то Ангел, приоткрывший дверь
в свой дом, незыблемо стоящий.

Мы входим, робкие, бочком,
чуть недоверчивы, серьёзны, —
но вскоре, забываясь, пьём
взахлёб и раздувая ноздри,

мы пьём, в себя вбирая всю
гармонию её цветенья,
и если близок Страшный Суд,
то нет нам, грешникам, спасенья.

Мы, кажется, растворены
в её святых и мутных водах,
в её закатах и восходах, —
и виноваты без вины.

* * *

Хрустящая россыпь вчерашнего снега
и птичьих следов беспокойные стрелки,
и тень от кормушки с крупинками снеди,
и рыжий флажок перепуганной белки.

А вечером тянутся странные тени
от сосен, по-южному огненно-бурых,
и манная россыпь вчерашней метели —
уже золотая тигровая шкура.

Лыжня повернула так резко, внезапно,
сквозь сосны белеют морозные крыши,
и лес отступается, скован и замкнут,
от ротозея на стареньких лыжах.

Полёты в снах

Крылья собраны из перьев птичьих —
это миф усилья и бессилья.
В белом замке умирает Винчи,
забываясь, те же видит крылья.

Стены, возведённые Дедалом,
тяжелы, как затвердевший сумрак.
Тупики, ловушки и обвалы
надоели — полетели, умник!

Лабиринт холодною улиткой,
там, внизу, оставленный, маячит.
Перемены — сладостная пытка
для тебя, солнцелюбивый мальчик!

Мастер спит светло и увлечённо,
счастлив тем, что снова испытал он
лёгкого Икара обречённость. —
Тяжелее умирать Дедалом.

* * *

Всё суета. К её родным бокам,
к её спине горбатой и рукам,
хватаящим удачу мёртвой хваткой,
мы прикипаем духом и повадкой.
Знакомых улиц обежим кольцо,
кивнув три раза, отвернувшись дважды,
и пыльный ветер снова бьёт в лицо,
перемежаясь с ласковым и влажным.

* * *

Маме

Когда пропаду — к рукам твоим припаду,
мимо летящий ангел не скажет: ничей.
Где же мы встретимся снова, в каком аду,
припоминая трепет земных лучей?

Давай убежим на дюны Куршской косы,
где зависают стрекозы над белым песком.
В тихих Михайловских рощах, под звон осы
будем плутать тенями в году каком?

Тропками Саржина Яра — цветов не рвать,
даже травы не мять нам, забыть о том.
Можно былинку каждую целовать,
и никто не заметит, и мы — никто.

...Крым в это утро без боя возьмёт зима,
нам не сберечь тепла, застывает речь.
Жизнь умеет прийти и уйти сама,
и карадагской лавой на берег лечь.

Мост через Беслетку

На руке не высыхают брызги.
Мандариновое дерево зачахло.
Над ущельем солнце не зависнет —
оставляет мимолётный отпечаток.

Горы сдвинулись, как сговорились.
Между ними бьётся ледяница,
аркою — прадедовскою силой —
окольцованная, словно птица.

Давней кладки напряглись каменя.
Ни один не задрожал, не хрустнул.
Вздулся над рекою быстропенной
непокорный потемневший мускул.

Там, где горы обижают солнце,
перебрасываясь им, как блюдцем,
мост ногами крепкими упёрся
в берега, готовые сомкнуться.

Сухуми

Константин Савельев

Украина

* * *

Никуда не вернуться: ни в детство, ни в юность, ни
в зрелость,
Не пройти той землёй, где чудил с шепотной головой.
Даже песен не вспомнить, что в полночь да за полночь пелись.
Пошумели певцы — и легли под высокой травой.

Никуда не вернуться. Захочется, право, едва ли
Снова биться об лёд и нелепые чтить образа.
Ускоряется время. И, может быть, в самом финале
Дирижер обернётся и грустно посмотрит в глаза.

Мне бы только успеть раглядеть эти лёгкие руки,
Пламенеющей палочки повелевающий взлёт...
Как бесстыдно-просты и порочны земные науки.
Сам осудишь себя. Ну, а все остальные — не в счёт.

* * *

Чертополох растёт в чертогах,
Где ходят — врозь, где смотрят — вскозь...
Где обещалось так немного,
Но и немного не сбылось.

* * *

Стихи приходят неспроста.
Заявятся — и выжгут душу.
И пепел кружится. И сушит
Пустые губы немота.

Так воду, скопленную впрок
За долгую глухую зиму,
Вбирает вспененный поток,
Крушащий в паводок плотину.

Господь молчальнику воздаст.
Когда иное бесполезно,
Стихи спасают... как балласт
Спасает над воронкой бездны.

* * *

Саше Роскову

Полешки уходят в дымок над трубой,
Воскресная в теле истома,
И снег о морозце толкует с тобой,
Когда ты выходишь из дома.

Закуришь с улыбкой на тёплом лице
И, чтоб тишину не нарушить,
Присядешь на зябком дощатом крыльце
Прозрачное утро послушать.

И слышно, как в землю бревенчатый дом
Врастает, ссутуливши плечи,
Как речка за лесом течёт подо льдом,
Как топят ладные печи.

А там, за околицей, в снежной пыли,
За дымом последнего дома,
Чуть видима, тропка на небо с земли —
Привычна, понятна, знакома...

* * *

Когда весною холмик оплывёт,
Приславшая венки чертополоха,
Моя металлургия проживёт
И без меня.... И проживёт неплохо.

Стихи? У них вообще особый путь,
Простое и единственное право:
Плыть и тонуть... и зарываться в муть
Глухими топляками лесосплава.

Но все богохульствовать, судя?..
В любви проживший прошлое не хает.
Ты приходи весной после дождя,
Когда вокруг трава благоухает.

* * *

А те, что любили, — открыто, легко, беспечально,
Что строки ломали, слова каблучками дробя,
Давно разлетелись по странам и близким, и дальним...
Но больше — по дальним. И перезабыли тебя.

И всё очевидней становится хрупкость союза
С тем башибузуком, любимцем бедовых голов,
И всё меркантильней свой век торопящие музы,
И всё бкстелесней туманная магия слов...

И вот дважды два — понимаешь — совсем не четыре,
И в зеркало смотришь, стараясь не видеть лица...
Смешна и постыдна планида разумника в мире —
Ребёнком у ёлки стишок добубнить до конца.

Сергей Шелковий

Украина

* * *

Я солнце страстью ящериц люблю,
я чую опьянение беспричинно,
когда июльский зной мне дышит в спину —
шершаво, словно в парус кораблю.

Как славно вить слепого ливня нить,
соцветья лип сбивая на крапиву!
Душа, душа! — Насквозь солнцелюбива,
и жить не устаёт, и рвётся жить.

А завтра... Там другой июль кружит,
пьяня иные губы без причины.
О, пусть на жаркий камень, знак кончины,
гибка, быстра, не ведая кручины,
смарагдовая ящерка взбежит!

* * *

Я сонце, наче ящірка, люблю,
відчую просвітління безпричинно,
коли дихне липнева спека в спину,
так шорстко, як у парус кораблю.

А дощ-сліпак сукає-поспіша,
у кропиву збиваючі суцвіття.
І — наскрізь сонцелюбна — в цьому світі
живе невтомно, рветься жить душа.

А завтра... Стріне липень не мене
І не мені плесне п'яного шуму.
Тож хай на примогильний камінь-думу
витка, метка, без сумнівів і суму
та ящірка смарагдова шугне.

*Перевела на український
Ірина Мироненко*

Plaza de Toros

Гумилёв конквистАдором конкистадора нарёк —
не для жеста, пожалуй, для вольнолюбивого спора.
Так и ты бы — в крещендо быков андалузских облёк:
не в грамматику — «торо», а в полногремучее «торро»!
Вот он, бык смоляной, вылетает из красных ворот,
словно чёрт из коробки с пружиною, Зорро-задира,
и ноздрями раздутыми воздух предгигельный пьёт —
майский воздух Севильи, любовницы Гвадалquivира.

Вот он роет копытом песок, чёрный Авель, литой
из бойцовой, не помнящей братова имени, плоти...
Верхний ярус арены чадит ядовитой махрой,
и оркестр многотрубный в бравурной сливается ноте
чуть правее тебя, но всё в том же, доступном, ряду,
где курцы табака апплодируют бурно мулете,
в 3-ем тысячелетье, в 12-ом кряду году, —
реконкисты и Каина жертволюбивые дети.

И закланье — изысканно, и позумент золотой
облегает в обтяжку плечо и бедро матадора.
Между алой мулетой и мутно-зелёной водой
к небесам отлетает душа терминатора-торо.
И в бодрящем и праздничном рвенье квадрига коней —
благородные головы в бело-багряных султанах —
мигом тушу увозит... И трубы поют всё пьяней

над весенней Севильей. И полнится летопись дней
Андалузии — в кодах-загадках, желанно и странно...

Plaza de Toros

Гумиљов као конквистадор конквистадора хтеде да спомене —
не због акцента, сигурно, већ у слободном иступу, спорном.
И ти би — у крешчендо бикова андалуских да се оденеш:
не у граматичко — «торо», у пунозвучније «торро»!
Ево њега, бика налојаног, излеће из црвених врата,
ко ђаво из кутије с опругом, Зоро-задира,
ноздравама широким ваздух предсмртни хвата —
мајски ваздух Севиле, љубавнице Гвадалквивира.

Ево он копа копитом песак, црни Авељ, изливен
из ратничке, што не сећа се братовљева имена, плоти...
Горњи ред арене дими се с отровном дуваном сливен,
и оркестар многотружни у бравурозној се сједињује ноти
једва исправљенији од тебе, али у истом том, доступном, реду,
где пушачи дувана аплаудирају бурно мачу који убија —
у трећем хиљадугођу, дванаесте године по следу,
реконкистадори и Каина деца жртвољубива.

И поклање је — отмено, и трака златна отиче
да налегне уз свлак ране и уз бедро матадора.
Између кржаве мулете и мутно-зелене водице
према небесима одлеће душа тороа-терминатора.
И у ободреном и празничном ђипању четворопрег коњски —
доброћудне главе у белогримизним повезима — нежно,
у трену односе леш... И трубе певају својски
над пролећном Севиљом. И, цвете днева, мој си
— у загонетној шифри Андалузије док трајеш с чудном
чежњом...

*Перевёл на сербский
Владимир Ягличич*

* * *

Вновь подступает средь ночи зима,
белым ложится на чёрную землю.
Равною мерой, что будет, приемлю —
посох ли посуху, сумма ль — сума.

В мокрую глину, в ноябрьскую стынь
падают конники и пехотинцы.
Мёртвых венков — ярко-дики гостинцы.
Я бы хотел к изголовью — полынь.

Я бы просил на помин принести
ветку полынную, пряно-седую.
Снова вдохну — и почти не тоскую.
Словно не жизнь проиграл я вчистую,
словно заснул на минуту в пути...

* * *

Опет стиже усред ноћи зима,
белим леже на црно тле шум.
Равном мером све што буде — примам —
кап, штап, канап, ум ил друм ил хум.

Под новембра лед, у глину иду
коњаници и пешаци смели.
Венци мртви — дивљи дар у виду.
Ја бих хтео за узглавље — пелин.

Молио бих за помен тек жуту
пелинову гранцицу, над њивом.
Продисаћу — без туге, сањиво.
Ко да навек не изгубих живот,
него заспах, за тренут, на путу...

*Перевёл на сербский
Владимир Ягличич*

* * *

Знов підступа серед ночі зима,
білим на чорну вкладається землю.
Все в рівній мірі, що буде, приємлю:
Посох? — спасибі... Сума, так сума.

В глину вологу, в осінню сльоту
падають вершники і пехотинці.
Мертвих вінків яро-дикі гостинці. —
кинь мені, пташе, полин на льоту!

Кинь мені гілку трави запашну,
щоб вже не чув я «мерщій» або «нумо»,
згадував ледь би, без зайвого суму,
днів нульову, або з мінусом, суму...
Та ще й на мить би прокинувся від сну.

Перевёл на украинский
Виктор Бойко

* * *

Аве, август! В пространстве огромного лета
настоялся закат на воздушном вине.
И, в футболку легчайшего хлопка одета,
ты спешешь, яркоглазая юность, ко мне.
Там, где мята возлюбленных губ не измята,
дышит пряная прана — вне прений сторон.
Мир тебе, золотая продлённость заката,
лёгко-перистый, яблоневый Авалон!

Мир тебе, плотоядного времени птица —
крючковатостью профиля чайка-мартын!
Легче дальше лететь, чем назад возвратиться,

ібо позднего солнца проигран алтын,
закатившись за чѣрную крымскую гору...
А душа Твоя, Господи, столь велика,
что хватает двоим — пары рюмок кагора
и для счастья молчанья, и для уговора:
аве, август, созревший, как торба Пандоры,
аве, длящийся смысл — облака, облака...

* * *

Аве, август! В пространствах летни безбрежни
сред въздушното вино ври залез червен.
Светла тениска лека облякла небрежно,
ясноока ми младост, ти бързаш към мен.
Мента там на любимите устни ухае,
диша сбраната прана — над свят и закон.
Мир за теб, златно време на залез безкраен,
нежно перест мой ябълков Авалон!

Мир за теб, времеядна всептицо кадърна —
хищна чайка-мартин с профил крив в този сън!
По-добре е напред да летиш, ако свърнеш,
ще изчезне на късното слънце алтън
в планината зад черните кримски простори...
А душата ти, Господи, вечен е знак,
тя е място за двама — чифт чаши с кагора,
за щастливо мълчание, стговор за хора:
аве, август, съзрял като куб на Пандора,
аве, смисъл велик — облак пак, облак пак...

*Перевёл на болгарский
Красимир Георгиев*

Владимир Јгличич

Сербия

Разговор

Николи Живковићу

Прускога духа, из давнине,
словенског срца што дух прати,
ти си приспео из даљине
у коју треба да се вратиш.

Донео си са собом приче
о тој земљи, где Вагнер сазда
љубав ка смрти, и где Ниче
први објасни света раздан.

Целог смо дана расправљали
о Европи, на старе теме:
шта је ко свету дао? Да ли
смрскаће наша дела време?

Залазисмо у духа древност
мислећи: где смо, и да ли је
више донела швапска ревност
од нагих муза Италије?

И где је наше место у тој
светској раскоши и обиљу?
Да ли ка мрачном гробу, путем
идемо к раскршћу тек, ил к циљу?

И би нам кратко то поподне,
и вече, и дно рушне ноћи,
и би нам жао земље родне
што још не схвата своје моћи,

што не зна син за веру претка,
мртвац колевку где је рођен:
ил коб нам беше од почетка
да следимо пут слепчовође?

Разговор

Николе Живковичу

Дух германский взявший за основу,
славянин по сердцу и уму,
издали пришёл ты, чтобы снова
возвратиться к долгу своему.

Ты принёс рассказ о мощном звуке
Вагнера, где смерть любви равна,
и о Ницше, что верней науки
ведал змей и грифов имена.

Говорили мы весь день с тобою
о путях Европы и о том,
кто какого миру дал героя,
взмывшего над временем мостом?

Вслушивались в собственное сердце —
где мы ныне? И коль Дух един,
как сравнить железный гений немца
с нежной силой музыки Апеннин?

Где теперь в духовном изобилье
мира наше место, где наш след?
Всё ль идти нам к сумрачной могиле
по распутью иль забрезжит свет?

Нам и дня с тобою не хватило,
вслед и ночь, грустя, к исходу шла.
Было жаль родной земли, что силы
собственной ещё не поняла.

Потому что сын забыл об отчей
вере, колыбель забыл мертвец.
Или нам судьба — слепые очи
пагубных вождей, глухих сердец?

*Перевёл с сербского
Сергей Шелковий*

Волошинов гроб

Куд мисао је морала
за стихом да полети
треба ходати горама,
чернозем заволети,
и тад, кад исто буду
сва лета и све зиме,
у смрти, у том чуду,
прерасти, сав, у име.
Ходај, док земље ос
табан веже за друм,
где год застанеш бос
станеш на Максов хум.
Нека ти снагу да
да наставиш ход сна.

Могила Волошина

Там мысль летит вдогонку за стихами.
Там, в Киммерии, нужно жизнь прожить,
пройдя пешком холмами и горами,
и притяженье почвы полюбить.

И там, когда в одно большое время
сольются все пунктиры зим и лет,
ты в чуде смерти, в каменном Эдеме
поймёшь — лишь имя есть, а плоти нет.

Иди же ввысь, пока земною осью
поблескивает посох твой в пути,
И холм могильный Макса встретит гостя

уже небесным воздухом в груди.
И силу даст, от почвенных щедрот,
чтоб продолжать и снов, и яви ход.

*Перевёл с сербского
Сергей Шелковий*

Спомен на устанак

Мирно је сад, у земљи и на земљи,
мирно је све у постојбини сенки.
И радујмо се, од тих сенки немљи,
плоду, стаблима и гњилој семенки.
Не прича, сем ако смерно не умолиш
земљица то што каткад шапне кришом.
Нема открића ако не заволиш
свет ишчилео под сипљивом кишом.

Нећеш спазити из магле родиље
у токама, на бојним коњицима,

јунаке српске, то гојно обиље
младе снаге у руменим лицима,
како махнити, незауостављиви,
одлазе, ћутке и један за другим,
тамо где јунак још једино живи,
у вечну славу, поворкама дутим.

Друкчу историју писали и нисмо,
до те, расуте с кишом свеудиљ.
Народ сурових навика, ми смо
забрављали да патња има циљ.
Да увек постоји смисла један делић
тамо где нико не поиска лек.
Да жртвом, Рајић, Вељко и Синђелић
уписао нас у модеран век.

Память о восстании

Спокойно всё теперь, в земле и на земле,
покой и мир царят в отчизне долгой тени.
И радуемся мы, просторней и смелей,
деревьям и плодам, и даже зёрен тленью.
Смиренная земля не произносит вслух
пророчеств, что порой ей слышимы в полслова, —
о том, что лишь любви бывшего мира дух,
исчезнув под дождём, готов открыться снова.

Не сразу различишь в родимой мгле густой —
хрип боевых коней и панцирей мерцанье,
и сербских молодцов в отваге молодой,
и, сквозь румянец сил, о жертве прорицанье.
Не сразу разглядишь — не удержишь их ход,
безмолвен их полёт в пространстве, брат за братом,
в те долгие луга, где мир героев ждёт,
где вечность славы льнёт к их серебристым латам.

Истории иной и не было у нас,
лишь та, что пролилась на землю с тяжким ливнем.
Народ суровых правд, мы свой иконостас
страданием утвердим и боль за благо примем.
И чувствует душа, что доля смысла есть
и там, где свет надежд не тешил нас отвеса.
Кто жертвует собой — тот в будущее весть,
тот входит в новый мир — Синжделич, Райич, Велько.*

Перевёл с сербского
Сергей Шелковый

Песма

Оретко се та песма случи,
трепетна и мраморна склада,
она што бодри и што мучи
ко предсмртни бол и наслада,

ко тврда вера и невера,
ко свест о рајском и о хадском,
из компјутера и скенера,
из там-тама и тла ливадског,

из руске зиме, зена, веда,
из Гилгамеша и Хомера,
допре ко танан напев један,
ко црта што се не помера,

из житија, пећинских слика,
из руна, с Анда, с Хималаја,
различних боја и облика,
ал исте мисли, из бескраја,

* Танаско Райич, Хайдук Велько и Стеван Синджелич — вожди Первого сербского восстания

из сегедиље, бугарштице,
ћуљандре, сага и Алхамабре —
допире пој те крхке птице
да осмисли свет, и да замре.

Стихотворения

Редко, с рассветом, такие стихи прилетают,
одновременно и мраморны, и невесомы,
те, что загадкою мучат и дух наполняют
разом — и смертною мукой, и счастья истомой,

разом — и твёрдою верой, и бунтом неверий,
некой единою вестью из ада и рая.
Словно из сканеров, компов продвинутых серий
и из там-тамов, и с луга стоцветного мая,

словно из русской зимы, из ведической притчи,
из Гильгамеша, из снов ясновидца Гомера,
ноты напева летят, человечьи и птичьи,
отзвуки гулких глубин неопознанной сферы.

Из жития возникают, из охры пещеры, —
то в них Колхида и Анды, а то Гималаи, —
цветом различны и формой, и точностью меры,
но бесконечны всегда, прозорливы без края.

Из сегидильи Иберии, из бугарштицы,
саги, чуляндры, из нежной печали Альгамбры
смысл прилетает, напев человека и птицы,
и затихает дыханием лавра и амбры.

Перевёл с сербского
Сергей Шелковый

Зміст

Сергей Шелковый. Украина, Россия, Болгария, далее — везде 3

Твори учасників конкурсу
«МІЖНАРОДНА СЛОВ'ЯНСЬКА ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ»
2013

Произведения участников конкурса
«МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ»
2013

Любов Якимчук, Україна, перша премія

Абрикоси Донбасу. Поема

Вугілля обличчя	12
Терикони грудей	13
Абрикоси у касках	14
Казка моєї бабусі	16
Книга ангелів	17

Максим Бессонов, Російська Федерація, втора премія

грознєніє	19
лєс	19
«но по разным причинам становится ясно одно...»	20
«там снег идѣт...»	21
«я ничего не жду. я никому не верю...»	22
«здесь, как и там — напишешь-зачеркнёшь...»	22

Лора Динкова, Болгарія, третья премія

Път.	24
Путь. Перевѣл с болгарского Сергей Шелковый	24
Подреждане на местата	25
Упорядочивание. Перевѣл с болгарского Сергей Шелковый	26
Преброители	26
Кассиры. Перевѣл с болгарского Сергей Шелковый	27
Подарък	27
Подарок. Перевѣл с болгарского Сергей Шелковый	28
Успокоение.	28
Успокоение. Перевѣл с болгарского Сергей Шелковый	29
«Във моя прочит ще се види спомена за време...»	29
«В моем чтении заметно упоминание времени...» Перевела с болгарского Елена Костадинова	30
«В нощта на меренето везните няма да са равни...»	30

«В ночь взвешивания весы не будут равными...» <i>Перевела</i> <i>с болгарского Елена Костадинова</i>	31
«Дори и недоволен от света...»	31
«Даже если человек недоволен миром...» <i>Перевела</i> <i>с болгарского Елена Костадинова</i>	32
Ольга Воробьёва, Украина, дипломант	
«Вот наши голоса сидят вдвоем на кухне...»	33
«Смерти нет, — говорит Мария. — Смерти нет...»	33
«В городе пахнет дождем и большой бедою...»	34
«Фрау Марта пьет чай трижды в день из трофейных чашек...» .	34
«Так бывает — приходит волна из холодной памяти...»	35
«Надо мною — звезд урожайный год...»	35
«Храни нас, Боже, наивных, хрупких...»	36
Василь Карп'юк, Україна, дипломант	
Струмок	37
«Господь кладе свою руку мені на плечі...»	38
«Пташка пурхнула...»	39
«Кажу...»	39
«Їхав у таксі...»	40
Аркан (<i>апокриф</i>)	41
Ія Кива, Украина, дипломант	
Малыш и Карлсон	42
Песенка	42
Моим крыльям	43
Город у моря	44
«Мы заперты в бараке перемен...»	45
Сергей Куликов, Украина, дипломант	
500	46
Skype me	47
Йогурт	47
Поэты	48
Лишившийся	49
Анна Минакова, Украина, дипломант	
«В тех краях, где мы были с тобой,	51
Холодно	52
«я хочу чтоб всегда вырастала звезда...»	53
«Интересно, когда человек как цветок...»	53
«облака словно сны стеклодува...»	54

«Мне в детстве твоём, словно в детстве своём...»	55
«Я буду в этот день твоя или никто...»	55

Ирина Жарикова, Україна

Дорога	57
«Когда зима наступит грозно...»	58
«В холодной паутине ночи...»	59
«вдыхая май в кладбищенской пыли...»	60
«дай мне, Боже, только силы — чтобы вынести...»	60

Вано Крюгер, Україна

Ψυχή	61
«Клацає запальничка, розбуджений її вогником тютюн...»	62
«Цей дивний хижий світ!..»	63
Нічний метелику Житомирської траси...	64

Мирослав Лаук, Україна

осоте! (фрагменти)	66
шифер	68
артеміда	68
металівки	69

Алла Миколаєнко, Україна

Молочный шоколад	70
Гра в «класики»	70
Тисяча і одна ніч	71
Алергія	72
Дежавю	73

Владислав Петренко, Україна

«Це було давно...»	74
«Імпресіоністична картина...»	74
«Коли гітарні перебори лилися піснями...»	75
«Як розказати дітям про смерть...»	75
«Інколи минуле хочеться тримати під серцем...»	76
«Ти не маєш звички довіряти людям...»	76
«Ти віриш, сестро моя, у новий світ?...»	76
«Ось — хрест...»	77
«Тут замерзають річки удвічі швидше...»	77

Оксана Пухонська, Україна

«Самотнього вечора голі сліди...»	79
«Дорожче миті — усмішка в очах...»	79

«Беріть її за руки і ведіть...»	80
«Кроки... На брук історії падає сніг...»	80
«Вростаєш шаленим вітром...»	81
Марина Саматова, Російська Федерація	
«Вечером зимним, во мраке метели...»	83
Свеча	84
Дорога	85
Утро	86
Иван Купала	86
Нева	87
Анна Скорик, Україна	
Осенний лес	88
Чем пахнет хлеб	88
«Где-то дремлют плачущие ивы...»	89
Сестрёнка	90
Про паука	91
Андрій Тіток, Україна	
Вона	92
Ніколи	93
Про що мовчить осінь	93
Я живу	94
Так починається осінь	94
Спомини	95
За її глаза	95
Світлана Федорова, Україна, Чехія	
«Не надо ждать весну. Но сердца ритм замедли...»	97
«Между печалью и ничем...»	97
«Як серце дзвоником зупиня!..»	98
«Набридла любов, як рожевий зефір...»	98
«О город мой, из всех земных чистилищ...»	99
«Ни удивленью, ни тоске...»	100
Елена Шелкова, Україна	
Есть ли жизнь на Марсе?	101
«А клоун в буфете печален, не весел...»	101
А Вам?	102
Монолог погибшего солдата	103
Поезд	104
Стих потерянного человека	104

*Вітання через покоління
Твори членів журі конкурсу
«МІЖНАРОДНА СЛОВ'ЯНСЬКА ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ»
2013*

*Приветствие через поколение
Произведения членов жюри конкурса
«МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ»
2013*

Віктор Бойко, Україна

З миттевостей	107
Из мгновений. <i>Перевёл с украинского Сергей Шелковый</i>	107
«Так досить часом крихітки тепла...»	108
«Порой хватает крохотки тепла...» <i>Перевёл с украинского Сергей Шелковый</i>	108
«Гуркочуть тягачі (армійський колір хакі)...»	108
«Грохочут тягачи (в армейском цвете хаки)...» <i>Перевёл с украинского Сергей Шелковый</i>	109
«Іще такий між інших днів люблю...»	109
«Коли біжиш за поїздом услід...»	110

Красимир Георгиев, Болгария

От другата страна на реката	111
На другой стороне реки. <i>Перевёл с болгарского Сергей Шелковый</i>	111
Откъс от поемата «Последният българин»	112
Отрывок из поэмы «Последний болгарин» <i>Перевёл с болгарского Сергей Шелковый</i>	112
60-годишен на дискотека	113
60-летний на дискотеке. <i>Перевела с болгарского Марина Барцевская</i>	113

Олег Комков, Российская Федерация

Бетховену	115
Орфей	116
Эльсинор	116
Assidia	116
Слова	117
«Мелькнёт порою призрак лета...»	117
Деревья	118
Весть	119
Акрополь в Несебре	119

Игорь Лосиевский, Украина

В час предраассветный.....	120
«Природа — своенравный зверь...».....	120
«Хрустящая россыпь вчерашнего снега...»	121
Полёты в снах	122
«Всё суета. К её родным бокам...»	122
«Когда пропаду — к рукам твоим припаду...».....	123
Мост через Беслетку	123

Константин Савельев, Украина

«Никуда не вернуться: ни в детство, ни в юность, ни в зрелость...»	125
«Чертополох растёт в чертогах...»	125
«Стихи приходят неспроста...»	126
«Полешки уходят в дымок над трубой...»	126
«Когда весною холмик оплывёт...».....	127
«А те, что любили, — открыто, легко, беспечально...»	127

Сергей Шелковий, Украина

«Я солнце страстью ящериц люблю...»	129
«Я сонце, наче ящірка, люблю...» <i>Перевела на украинский</i> <i>Ирина МIRONENKO</i>	129
Plaza de Toros	130
Plaza de Toros. <i>Перевёл на сербский Владимир Ягличич</i>	131
«Вновь подступает средь ночи зима...»	132
«Опет стиже усред ноћи зима...» <i>Перевёл на сербский</i> <i>Владимир Ягличич</i>	132
«Знов підступа серед ночі зима...» <i>Перевёл на украинский</i> <i>Виктор Бойко</i>	133
«Аве, август! В пространстве огромного лета...»	133
«Аве, август! В пространства летни безбрежни...» <i>Перевёл</i> <i>на болгарский Крaсимир Георгиев</i>	134

Владимир Ягличич, Сербия

Разговор	135
Разговор. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковий</i>	136
Волошинов гроб	137
Могила Волошина. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковий</i>	138
Спомен на устанак	138
Память о восстании. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковий</i>	139
Песма.....	140
Стихотворения. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковий</i>	141

Літературно-художнє видання

**ПЕРШИЙ КОНКУРС
«МІЖНАРОДНА СЛОВ'ЯНСЬКА
ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ»
2013**

Збірка поезій

Упорядник
С.К. Шелковий

**ПЕРВЫЙ КОНКУРС
«МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВЯНСКАЯ
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ»
2013**

Поэтический сборник

Составитель
С.К. Шелковий

Технічний редактор: Є. Онишко
Комп'ютерний дизайн: В. Носань

Підписано до друку 05.05.14. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Minion Pro. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 9,25. Зам. № 14-40.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30